

Введение

Источником подлинного мужества и несгибаемой стойкости воинов может быть только вера в Бога и любовь к Родине. Эти два начала неразрывно связаны, ибо обретение Родины немислимо без обретения веры. Вера возвышает воинское служение до служения Богу. Подлинный патриотизм может жить только в той душе, которая способна благоговейно чтить святыни своего народа. Истинная вера рождает истинный патриотизм.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

В данном издании представлены увлекательные жизнеописания выдающихся исторических личностей России. Центральное место в книге занимают рассказы о равноапостольном князе Владимире, а также о великих благоверных правителях: Александре Невском, Дмитрии Донском, Андрее Боголюбском, Владимире Мономахе, Мстиславе Великом, Георгии Владимирском и Данииле Московском. Особое внимание уделено подвигу благоверных князей Василька Ростовского, Всеволода Псковского и Ростислава Смоленского.

Отдельная часть книги посвящена преподобным воинам – легендарному Илье Муромцу, а также выдающемуся флотоводцу адмиралу Фёдору Ушакову.

Второй раздел издания охватывает многовековую историю воинского духовенства России, начиная со времен Владимира Мономаха и до современности.

Книга представляет собой ценное учебное пособие, которое может быть использовано в образовательных целях:

В военных учебных заведениях всех уровней;

В суворовских и нахимовских училищах (в адаптированной версии);

В кадетских классах;

Для подготовки военных священников;

В военно-патриотических клубах.

Издание также станет важным дополнением для библиотек войсковых частей и храмов. Благодаря живому художественному стилю повествования, книга привлечет внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей, интересующихся историей России и православной культурой.

В православной традиции особое место занимают русские полководцы и князья, прославившиеся не только военными

успехами, но и мудрым правлением. Среди них такие выдающиеся личности, как Александр Невский и Дмитрий Донской, причисленные Церковью к лику благоверных князей.

Наряду с ними в истории Руси сияют имена великих правителей: равноапостольный Владимир, мудрый законодатель Ярослав, дальновидный политик Владимир Мономах, могущественный правитель Мстислав Великий, а также Владимир Новгородский, знаменитый строитель Андрей Боголюбский и основатель московской династии Даниил Московский.

Особое место в пантеоне святых занимают военачальники, чьи подвиги навсегда вписаны в историю. Среди них выдающийся флотоводец Фёдор Ушаков, герои знаменитой Куликовской битвы Александр Пересвет и Андрей Ослябя, а также монахи Троице-Сергиевой Лавры. Даже легендарный богатырь Илья Муромец в конце своего жизненного пути принял монашеский постриг.

Все эти выдающиеся личности были не только доблестными воинами, но и искренними молитвенниками. В мирное время они предавались духовной жизни, но когда над Русской землей нависала угроза, без колебаний брались за оружие, чтобы защитить обездоленных, встать на защиту веры и, если потребуется, отдать свою жизнь за близких.

Трагически погибли в сражениях князь Георгий Владимирский и Василько Ростовский, а также герои Куликовской битвы Пересвет и Ослябя. На Руси воин всегда считался священным званием – защитник Отечества, хранитель веры и народа. Эти доблестные воины составляют наш истинный Бессмертный полк, чьи подвиги навсегда останутся в памяти потомков.

Святые воины Руси могучей

Идея создания единого сборника житий русских воинов и полководцев имеет глубокие исторические корни. В процессе работы над этим изданием выявилась примечательная историческая особенность: русские князья, будучи суровыми военачальцами с твёрдой рукой, в мирной жизни проявляли искреннее милосердие и сострадание к людям.

Их правление отличалось особым подходом к градостроительству: при основании новых городов и крепостей они прежде всего заботились о создании храмов и монастырей, придавая духовным учреждениям первостепенное значение. Многие из этих великих правителей и военачальников завершили свой земной путь принятием монашества, что стало ярким свидетельством их глубокой веры и духовного становления.

Этот сборник не просто собрание биографий – это отражение уникальной модели русского воинства, где военная доблесть органично сочеталась с христианской благочестивостью, а защита Отечества неразрывно связывалась с духовным служением.

БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР (960–1015)

День памяти 15/28 июля

Князь Владимир I Святославич- внук великой княгини Ольги (прославленная Церковью как равноапостольная святая) и сын великого князя Святослава Игоревича.

Святой Владимир жил и правил на рубеже X-XI веков. Сначала, с 970 года, он княжил в Новгороде; потом, с 978-го и до смерти в 1015 году, в Киеве, столице Киевской Руси.

Именно равноапостольный князь Владимир, во святом крещении Василий, - инициатор Крещения Руси, поворотного события для истории нашей страны. В 988 году христианство стало в Киевской Руси государственной религией. Сам бывший

язычник, князь Владимир активно распространял новую веру среди славян. За это его прозвали Владимир Креститель.

Церковь прославила князя Владимира в лике святых как равноапостольного. Равноапостольные святые - это те, кто своей жизнью послужил проповеди Евангелия, распространению христианской веры среди людей. Цари и князья, просвещавшие свой народ светом Христовым, часто прославляются именно как равноапостольные. Например, великая княгиня Ольга, бабушка князя Владимира, которая стала первым правителем Киевской Руси, принявшим христианскую веру.

Когда празднуется память святого равноапостольного Владимира

Память святого равноапостольного князя Владимира празднуется в день его смерти - 28 июля по новому стилю (15 июля по старому стилю, или по Юлианскому календарю).

Годы правления князя Владимира Святославича

Князь Владимир Святославич правил на рубеже X-XI веков. Сначала, с 970 года, он княжил в Новгороде, потом, с 978 и до 1015-го (год смерти), в Киеве, столице Киевской Руси.

Князь Владимир - язычник

Будущий креститель Руси родился в браке великого князя Святослава Игоревича с Малушей, которая была родом из древлян. Древляне - то самое племя, которому великая княгиня Ольга жестоко мстила за убийство своего мужа, князя Игоря. По преданию, Малуша была ключницей княгини Ольги.

В 972 году князь Владимир вступил на новгородский престол. В народе он прославился как завоеватель земель. В 980 году он отвоевал Киев у собственного брата - Ярополка. Кроме того, Владимир подчинил и обложил данью многие соседние племена: вятичей, ятвягов, радимичей; защищал границы государства от набегов печенегов. Князь расширил пределы Руси от Балтийского моря на севере до реки Буг на юге.

До принятия святого крещения князь Владимир был язычником. Его бабушка, княгиня Ольга, не передала свою новую веру - христианство - сыну и внуку. Поэтому великому князю Владимиру Святославичу предстояло пройти по ее стопам - обрести Христа после долгих лет греховной жизни и духовных исканий.

В период язычества у Владимира было несколько жен и множество наложниц в разных городах. Он устанавливал в столице Руси идолов, перед которыми совершались жертвоприношения, в том числе человеческие. Как пишет летопись, "и приносили им жертвы, называя их богами, и

приводили к ним своих сыновей и дочерей, и жертвы эти шли бесам... И осквернилась кровью земля Русская и холм тот".

В годы его правления приняли мученическую смерть за Христа варяги Феодор и сын его Иоанн. Как считают многие исследователи, именно это событие подвигло великого князя задуматься, истинна ли языческая вера. Уже после принятия христианства и Крещения Руси будущий равноапостольный святой воздвиг на месте гибели мучеников знаменитую Десятинную церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Крещение князя Владимира Святославича

Многие историки считают, что великий князь Владимир выбрал православное христианство среди нескольких других религий. Он созвал в Киев, мать городов русских, представителей разных вероучений. Болгар-мусульман, немцев-католиков, иудеев и православных греков. Каждый из них описал князю Владимиру достоинства своей веры, и великий князь сделал выбор в пользу православия. Но чтобы удостовериться, что не ошибся, он отправил в столицу Византии Константинополь десять мудрых и уважаемых в Киевского Руси людей - чтобы они разобрались, действительно ли православная вера самая достойная.

Мудрецов поразила Константинопольская София - великолепная архитектура храма, ангельское пение хора, красота богослужения. К Владимиру они вернулись со словами: "Мы не знали, на земле мы стояли или на небе".

Владимир принял окончательное решение креститься. Чтобы не попасть в подчинение грекам, Владимир Святославич организовал военный поход и взял город Херсонес. А у Византийских императоров Василия и Константина попросил руки царевны Анны. Анна могла выйти замуж только за христианина. В 988 году князь Владимир принял святое крещение с именем Василий. По преданию, выйдя из крещальной купели, он, до этого ненадолго ослепший, прозрел и воскликнул: "Теперь я познал истинного Бога!".

Крещение Руси

Сам термин "Крещение Руси" встречается уже в "Повести временных лет", самой древней из дошедших до нас летописей. Она была написана в начале XII века.

После крещения князь Владимир вернулся в Киев и привез с собой из заморских земель православных священников. Первыми они крестили в новую веру сыновей Владимира Святославича,

потом бояр. Источник, где их крестили, стал называться Крещатиком.

Великий князь начал активно бороться с язычеством. По его приказу рубили идолов, которых он сам еще недавно установил в столице Руси. Капище в центре Киева представляло собой композицию из статуй шести главных богов славянского языческого пантеона: Перуна, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши. Как говорит предание, фигуру Перуна привязали к конскому хвосту и сбросили в реку Днепр.

По инициативе князя-христианина священнослужители рассказывали народу о Христе и Евангелии. Итогом проповеди стал приказ Владимира Святославича всем гражданам явиться в Киев, на берег Днепра, чтобы принять святое крещение. Это событие стало первым в череде массовых крещений на Руси.

Далее крестился Новгород. Затем последовали Ростов, Суздаль, Муром, Полоцк, Владимир Волынский, Смоленск, Псков, Луцк и другие города. Принятие новой, единой, веры стало серьезным толчком к объединению русских земель.

Монеты князя Владимира

Во время своего правления князь Владимир, по примеру Византии, начал чеканить монеты - впервые на Руси. Их делали из золота и серебра, и назывались они, соответственно, "златник" и "сребреник". На монетах изображался князь, сидящий на престоле, и было написано: "Владимѣръ на столѣ", что в переводе значит "Владимир на престоле".

Основание города Владимира

Историки расходятся во мнении, кто основал город Владимир (Владимир на Клязьме). По одной версии, город основал в 990 году сам великий князь Владимир Святославич. По другой, в 1108 году - князь Владимир Мономах.

В пользу основания города святым равноапостольным князем Владимиром говорят упоминания о нем в нескольких летописях. Это Супрасльская, Густынская, Ермолинская и некоторые другие летописи.

Десятинная церковь - церковь Успения Пресвятой Богородицы в Киеве

Десятинную церковь в Киеве построили по указу святого равноапостольного князя Владимира. "Повесть временных лет" пишет: "Лето 6497 (989 г.) помысли создати церковь Пресвятыя Богородицы, и послав, преведе мастера от Грек. И наченшю же созидати, и яко сконча, украси иконами".

Выходцы из Византии строили церковь 7 лет. В 996-м году ее освятили в честь Божией Матери. Великий князь определил на

содержание храма десятую часть своих доходов, поэтому церковь получила название Десятинной.

В храм перенесли мощи великой княгини Ольги, бабушки князя Владимира Святославича. Здесь же позже святой Владимир похоронил свою жену Анну.

В 1240 году монголы под предводительством Батыя разрушили Киев. От Десятинного храма остались южный придел и кусок стены. Развалины простояли нетронутыми четыре века, и лишь в 1636-м году митрополит Петр Могила решил "Десятинную церковь Пресвятой Девы, находящуюся у ворот киевских, выкопать из мрака и открыть дневному свету". В храме возобновились богослужения.

Именно митрополит Петр Могила обнаружил среди развалин два саркофага, а в них - останки двух людей. В течение нескольких столетий они почитались как принадлежавшие князю Владимиру и княгине Анне, сейчас же полностью утрачены.

В 1828 на месте первой Десятинной церкви начали возводить новую, по проекту архитектора Василия Стасова. Построили храм за 14 лет, но простоять ему было суждено недолго. В 1936-ом здание разобрали на кирпичи. В 1938-39 годах научная группа Института истории материальной культуры АН СССР провела раскопки и нашла фрагменты фрескового и мозаичного украшения древнего храма, каменные гробницы и остатки фундамента.

Современные археологи продолжают раскопки на месте Десятинной церкви.

Владимир Красное Солнышко

Владимир Красное Солнышко - именно так, по преданию, называли в народе святого равноапостольного князя Владимира. Как считают исследователи, этот былинный образ - скорее, собирательный, то есть его нельзя в полной мере отнести ни к одной исторической персоне.

В былинах Владимир Красное Солнышко - это глава всех богатырей, но при этом сам не богатырь. Возможно, великий князь, или же вовсе мифический персонаж - Дажьбог, бог солнца у славян-язычников.

Кроме былин, мы встречаем упоминания о Владимире Красном Солнышке в так называемой Голубиной книге (восточно-славянский народный духовный стих конца XV - начала XVI века). Там его зовут Володарь, Володимер, Володимир Сыславич, Володумор.

Смерть и мощи святого равноапостольного Владимира

Великий князь Владимир скончался после болезни 15 июля 1015 года (28 июля по новому стилю). Его похоронили в основанной им Десятинной церкви Успения Пресвятой Богородицы в Киеве. Саркофаги Владимира и его супруги Анны были изготовлены из мрамора и стояли в центре храма.

В 1240 году Десятинная церковь была разрушена монголами. В 1632-36 годах в Киеве начали разбирать руины древнего храма и обнаружили мраморные гробницы. Мощи святого равноапостольного Владимира и его жены извлекли и вновь похоронили. Спустя два столетия, в 1826 году, исследователи снова вскрыли могилы и раздали мощи в киевские и московские храмы. Сейчас останки супругов утрачены, и современные исследователи и вовсе сомневаются, что в XVII веке среди руин нашли саркофаги именно Владимира и Анны.

Прославление князя Владимира в лике святых

Точная дата канонизации святого равноапостольного Владимира ученым не известна. Некоторые исследователи предполагают, что почитать Владимира Святославича как святого начали вместе с его сыновьями - святыми Борисом и Глебом. Другие специалисты считают, что житийные рассказы об обращении Владимира в христианство появились сразу после его смерти. Как бы то ни было, к середине XII века он еще не был официально канонизирован.

Но уже XIV веке все Прологи и богослужебные книги упоминают о дне памяти святого равноапостольного Владимира - 15 июля (28 июля по новому стилю). Скорее всего, канонизация состоялась во второй половине XIII века.

Ключевым событием в развитии церковного почитания святого Владимира стали торжества по случаю 900-летия Крещения Руси в 1888 году. Тогда же были построены несколько Князь-Владимирских храмов, например, Владимирский собор в Киеве.

Икона святого равноапостольного Владимира

Иконография святого равноапостольного Владимира - традиционная для всех равноапостольных святых. Равноапостольные - те святые, которые служили

Господу, просвещая людей светом Христовым. Например (если речь идет о святых князьях и царях), обращали в христианство граждан страны, в которой царствовали. Эти святые уподобляются апостолам - за распространение Евангелия. Это и святая Мария Магдалина; и император Константин и его мать царица Елена; и святая Нина, просветительница Грузии; и великая княгиня Ольга; и князь Владимир, крестивший Русь.

Равноапостольного князя Владимира традиционно изображают на иконах стоящим.

В правой руке у него - крест, символ проповеди Христовой, которую вели все равноапостольные святые. В левой руке - свиток или меч.

Еще один традиционный образ святого Владимира - вместе со святой равноапостольной Ольгой, первой правительницей на Руси, принявшей христианство.

УЧЕНИКИ-СТРАСТОТЕРПЦЫ КНЯЗЬЯ БОРИС И ГЛЕБ

(† 1015)

Память 2/15 мая, 24 июля/6 августа, 5/18 сентября

Святые благоверные князья-страстотерпцы Борис и Глеб были младшими сыновьями святого равноапостольного князя Владимира Киевского. Они родились незадолго до Крещения Русской Земли и были воспитаны в духе христианской веры. Старший из братьев - Борис получил хорошее образование. Глеб разделял стремление своего брата посвятить свою жизнь исключительно служению Богу. Братья отличались милосердием и добротой, подражая примеру своего отца - князя Владимира, который был милосердным и отзывчивым.

Житие князей Бориса и Глеба

Борис и Глеб были сыновьями великого князя Владимира (ок. 960 - 28.07.1015 г.) от его жены византийской царевны Анны (963 - 1011/1012 гг.) из Армянской династии, единственной сестры правящего императора Византии Василия II (976-1025 гг.). При святом крещении Борис получил имя Роман, а Глеб - имя Давыд. С раннего детства братья воспитывались в христианском благочестии. Любили читать Священное Писание, творения святых отцов. Горячо желали подражать подвигу Божиих угодников. Борис и Глеб отличались милосердием, добротой, отзывчивостью и скромностью.

Еще при жизни князя Владимира Борис получил в удел Ростов, а Глеб - Муром. Управляя своими княжествами, они проявили мудрость и кротость, заботясь прежде всего о насаждении Православной веры и утверждении благочестивого образа жизни среди людей. Молодые князья были искусными и храбрыми воинами. Незадолго до своего преставления, их отец великий князь Владимир призвал к себе старшего брата - Бориса и отправил его с многочисленным войском против безбожных печенегов. Однако печенеги, испугавшись силы князя Бориса и мощи его войска, бежали в степи.

После кончины в 1015 году Владимира Великого его старший сын от гречанки, вдовы киевского князя Ярополка Святославича (?-11.06.978 г.), Святополк (ок. 979 - 1019 гг.) объявил себя великим Киевским князем. Узнав о смерти отца, князь Борис сильно огорчился. Дружина уговаривала его пойти в Киев и занять великокняжеский престол, но смиренный Борис распустил войско, не желая междоусобной распри:

Не подниму руки на брата своего, да еще на старшего меня, которого мне следует считать за отца!

Святополк был изрядно коварным и властолюбивым человеком, не верил искренности слов своего брата Бориса и видел в нем лишь соперника, на стороне которого был народ. Тут же Святополк решился на страшное преступление, подослав к Борису убийц. Борис был извещен об этом, но не стал скрываться. Вспоминая подвиги первых христианских мучеников, он с готовностью встретил смерть. Подосланные Святополком убийцы настигли Бориса за утрений в воскресный день 24 июля (с.ст.) 1015 года в своем шатре на берегу реки Альты. После богослужения преступники ворвались в княжеский шатер и пронзили копьями Бориса.

Слуга святого князя Бориса Георгий Угрин бросился на защиту своего господина, но тут же был убит. Однако Борис был еще жив. Выйдя из шатра, он стал молиться, а потом обратился к убийцам:

Подходите, братия, кончите службу свою, и да будет мир брату Святополку и вам.

Тогда один из убийц подошел и пронзил его копьем. Слуги Святополка повезли тело Бориса в Киев, по дороге им встретились два варяга, посланных Святополком, чтобы ускорить дело. Варяги заметили, что князь еще жив, хотя и едва дышал. Тогда один из них мечом пронзил его сердце. Тело страстотерпца князя Бориса тайно привезли в Вышгород и положили в храме во имя святого Василия Великого.

После этого Святополк решился убить младшего брата - Глеба. Святополк вызвал Глеба из Муром и отправил ему навстречу дружинников, чтобы они умертвили его на пути. В это время князь Глеб узнал о кончине отца и братоубийственном преступлении Святополка. Скорбя об этом, Глеб, как и ранее Борис, предпочел мученическую кончину братской войне. Убийцы встретили Глеба в устье реки Смядыни, недалеко от Смоленска. Убийство князя Глеба произошло 5 сентября 1015 года. Тело Глеба убийцы погребли в гробу, состоящем из двух выдолбленных бревен.

Мученический подвиг князей Бориса и Глеба

Жизнь страстотерпцев князей русских Бориса и Глеба была принесена в жертву основному христианскому доброделанию - любви. Братья своей волей показали, что за зло нужно воздавать добром. Это было еще ново и непонятно для Руси, привыкшей к кровной мести.

Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить (Мф. 10, 28).

Борис и Глеб отдали жизнь ради соблюдения послушания, на котором зиждется духовная жизнь человека. "Видите ли, братия, - говорит преподобный Нестор Летописец, - как высока покорность старшему брату? Если бы они противились, то едва ли бы сподобились такого дара от Бога. Много ныне юных князей, которые не покоряются старшим и за сопротивление им бывают убиваемы. Но они не уподобляются благодати, какой удостоились сии святые".

Русские князья-страстотерпцы не захотели поднять руку на брата, но властолюбивый Святополк оказался наказан за братоубийство. В 1019 году Киевский князь Ярослав Мудрый (ок. 978 - 20.02.1054 гг.) - единокровный брат Бориса и Глеба, один из сыновей князя Владимира, собрал войско и разбил дружину Святополка.

По промыслу Божию, решающая битва произошла на поле у реки Альты, где был убит князь Борис. Святополк, названный русским народом Окаянным, бежал в Польшу и, подобно библейскому братоубийце Каину, нигде не находил себе покоя и пристанища. Летописцы свидетельствуют, что даже от могилы его исходил смрад.

"С того времени, - пишет летописец, - затихла на Руси крамола". Кровь, пролитая братьями Борисом и Глебом ради предотвращения междоусобных распрей, оказалась тем благодатным семенем, которое укрепляло единство Руси.

Почитание святых Бориса и Глеба

Благодарные князья-страстотерпцы Борис и Глеб не только прославлены от Бога даром исцелений, но они - особые покровители, защитники Русской земли. Известны многие случаи их явления в трудное для нашего Отечества время, например, святому князю Александру Невскому накануне Ледового побоища (1242 год), великому князю Димитрию Донскому в день Куликовской битвы (1380 год). Рассказывают и о других случаях заступничества святых во время войн и вооруженных конфликтов в позднейшие времена.

Почитание святых Бориса и Глеба началось очень рано, вскоре после их кончины. Служба святым была составлена митрополитом Киевским Иоанном I (1008-1035 гг.)

Великий князь Киевский Ярослав Мудрый позаботился о том, чтобы разыскать останки князя Глеба, бывшие непогребенными 4 года, и совершил их погребение в Вышгороде, в храме во имя святого Василия Великого, рядом с мощами святого князя Бориса. Через некоторое время храм этот сгорел, мощи же остались невредимы, и от них совершалось много чудотворений.

Один варяг неблагоговейно стал на могилу святых братьев, и внезапно исшедшее пламя опалило ему ноги. От мощей святых князей получил исцеление хромой отрок, сын жителя Вышгорода: князья-страстотерпцы Борис и Глеб явились отроку во сне и осенили крестом больную ногу. Мальчик пробудился от сна и встал совершенно здоровым.

Благодарный князь Ярослав Мудрый построил на месте сгоревшей церкви каменный пятиглавый храм, который был освящен 24 июля 1026 года митрополитом Киевским Иоанном с собором духовенства.

Годом канонизации святых страстотерпцев принято считать 1072. Они стали первыми русскими святыми. Однако известно, что греческие архиереи, которые в то время возглавляли Русскую Церковь, без особого энтузиазма отнеслись к прославлению русских святых. Но большое количество чудес, исходивших от мощей святых страстотерпцев, и народное почитание сделали свое дело. Грекам, наконец, пришлось признать святость русских князей. В народном предании святые князья, прежде всего, фигурируют как заступники земли Русской. В честь святых было сочинено немало молитвословий, включая уникальные, знаменитые житийные Паремии, которые сохранялись в русской Богослужении вплоть до начала XVII века.

БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ (978-1054)

Память 20 февраля/5 марта, в невисокосный год 4 марта

Житие

Ярослав I, в Крещении Георгий (Юрий), Владимирович, Мудрый (ок. 978–989 – 1054), благоверный великий князь Киевский. Память 4 марта (20 февраля) в день кончины.

По разным данным родился между 978 и 989 годами, был вторым сыном равноапостольного Владимира от полоцкой княжны Рогнеды. По некоторым сведениям, в детстве он страдал от паралича ног, который прошёл в 988 году, но осталась хромота.

Княжение при жизни святого Владимира

Еще при своей жизни произведя первый раздел земель между сыновьями, святой Владимир посадил девятилетнего Ярослава в Ростове. В 1011 году, когда Ярослав крестил Волгу, языческие жители урочища Медвежий угол выпустили против него «Святую Медведицу», но князь, вооруженный секирой, одолел зверя.

В 1012 году, по смерти старшего сына Вышеслава, святой Владимир перевел Ярослава на княжение в Новгород, миновав старшего, Святополка, который был тогда под гневом отца. Став князем Новгородским, Ярослав хотел порвать зависимость от Киева и стать независимым государем обширной Новгородской области. Он отказался в 1014 году платить отцу ежегодную дань в 2000 гривен, как делали все посадники новгородские. Его желание совпадало и со стремлением новгородцев, которые тяготились налагаемой на них данью. Ярослав был недоволен еще и тем, что отец оказывал предпочтение младшему его брату, Борису. Разгневавшись на Ярослава, Владимир готовился лично идти против него, но вскоре заболел и умер. Ярослав же тем временем нанял дружину варягов для предстоящей борьбы.

Междоусобные войны

Великокняжеским столом завладел старший в роде Святополк Окаянный, который, желая сделаться единодержавным правителем всей Руси, умертвил через наемных убийц трех братьев – страстотерпцев Бориса и Глеба, а также Святослава. Такая же опасность грозила и Ярославу, но он, предупрежденный сестрой Предславой, сам пошел на Киев. Прежде этого Ярослав был в ссоре с новгородцами за то что часто поддерживал варяжскую дружину в ее кровавых стычках с населением города, но теперь новгородцы легко согласились идти вместе с ним против брата. Собрав тысяч 40 новгородцев и несколько тысяч варяжских наемников, Ярослав двинулся против Святополка, призвавшего себе на помощь печенегов. Ярослав одолел Святополка в яростной сече под Любечем, вступил в Киев, и занял великокняжеский стол в 1016 году, после чего щедро наградил новгородцев и отпустил их домой. Бежавший Святополк возвратился с полками своего тестя, польского короля Болеслава Храброго, а также с дружинами немцев, венгров и печенегов. В 1017 или 1018 году Ярослав был разбит на берегах Буга и бежал в Новгород. Он готов был отплыть в Скандинавию, но новгородцы порубили княжеские ладьи и склонили Ярослава продолжить борьбу. С новым большим войском он разбил наголову Святополка и его союзников-печенегов на реке Альте в 1019 году, на том же месте, где был предательски убит его брат святой Борис. Святополк бежал в Польшу и по дороге умер, а Ярослав в том же году стал великим князем Киевским. Теперь он прочно утвердился в Киеве и, по выражению летописца, «утер пота со своею дружиной».

В 1021 году племянник Ярослава, князь Брячислав Изяславич Полоцкий, объявил притязания на часть Новгородских областей. Получив отказ, он напал на Новгород, взял и разграбил его. Услышав о приближении Ярослава, Брячислав ушел из Новгорода со множеством пленников и заложников. Ярослав нагнал его в Псковской области, на реке Судоме, разбил его и освободил пленных новгородцев. После этой победы Ярослав заключил с Брячиславом мир, уступив ему Витебскую волость с городами Витебск и Усвят. Едва окончив эту войну, Ярослав должен был начать более трудную борьбу со своим младшим братом Мстиславом Тмутараканским, который требовал от него раздела русских земель поровну, и подошел с войском к Киеву в 1024. Ярослав в то время был в Новгороде и на севере, в Суздальской земле, где был голод и сильный мятеж, вызванный волхвами. В Новгороде Ярослав собрал против Мстислава большое войско и призвал наемных варягов под начальством знатного витязя Якуна Слепого. Войско Ярослава встретилось с ратью Мстислава у местечка Листвена, близ Чернигова, и в жестокой сече было разбито. Ярослав снова удалился в свой верный Новгород. Мстислав послал ему сказать, что признает его старшинство и не добивается Киева, но Ярослав не доверял брату и воротился, лишь собрав на севере сильную рать. Тогда, в 1025 году, он заключил с братом мир у

Городца (вероятно, близ Киева), по которому земля Русская была разделена на две части по Днепру: области по восточную сторону Днепра отошли к Мстиславу, а по западную – к Ярославу.

В 1035 году Мстислав умер и Ярослав стал единовластно править Русской землей – «был самовластцем», по выражению летописца. В том же году Я. посадил в «поруб» (темницу) брата своего, князя Судислава Псковского, оклеветанного, по словам летописей, перед старшим братом. В руках Ярослава были соединены теперь все Русские области, за исключением Полоцкого княжества.

Внешние отношения

Ярославу пришлось еще совершать много походов против внешних врагов – почти все его княжение наполнено войнами. В 1017 году он успешно отразил нападение печенегов на Киев и затем боролся с ними как с союзниками Святополка Окаянного. В 1036 году летописи отмечают осаду Киева печенегами в отсутствие Ярослава, отлучившегося в Новгород. Получив об этом известие, он поспешил на помощь и наголову разбил печенегов под самыми стенами Киева. После этого поражения нападения печенегов на Русь прекратились. Известны походы Ярослава на север против финнов. В 1030 году он ходил на чудь и утвердил свою власть на берегах Чудского озера, где построил город и назвал его Юрьевым в честь своего святого покровителя. В 1042 году Ярослав отправил сына Владимира в поход на ямь. Поход был удачен, но дружина Владимира вернулась почти без коней вследствие падежа. Есть известие о походе русских при Ярославе к Уральскому хребту под предводительством Улеба в 1032 году. На западных границах Ярослав вел войны с Литвой и ятвягами, для прекращения их набегов, и с Польшей. В 1022 году Ярослав ходил осаждать Брест; в 1030 году он взял Бельз (в северо-восточной Галиции); в следующем году с братом Мстиславом возвратил в состав Руси червенские города и привел много польских пленников, которых расселил по реке Роси в городках для защиты земель от степных кочевников. Он, наконец, отвоевал Брест в 1044 году. Несколько раз Ярослав ходил в Польшу на помощь королю Казимиру для усмирения восставшей Мазовии; последний поход был в 1047 году. Княжение Ярослава также ознаменовалось последним враждебным столкновением Руси с греками. Один из русских купцов был убит в ссоре с греческими, после чего, не получая удовлетворения за обиду, Ярослав послал к Византии большой флот в 1043 году под начальством старшего сына Владимира Новгородского и воеводы Вышаты. Буря рассеяла русские корабли. Владимир истребил посланный для его преследования греческий флот, но Вышата был окружен и взят в плен при Варне. В 1046 году был заключен мир; пленные с обеих сторон возвращены и дружественные отношения скреплены браком любимого сына Ярослава, Всеволода, с византийской царевной.

Хотя ему приходилось почти постоянно вести войну, по словам летописца, воевать он не любил. Во внешней политике Ярослав, как и его отец, больше надеялся на дипломатию и взаимовыгодные отношения, чем на оружие. Его время было эпохой деятельных сношений с государствами Запада. Ярослав был в родственных связях с норманнами: сам он был женат на шведской принцессе Ингигерде, в крещении Ирине, а норвежский принц Гаральд Смелый получил руку его дочери Елисаветы. Четверо сыновей Ярослава, среди них Всеволод, Святослав и Изяслав, также были женаты на иностранных принцессах. Иноземные князья, такие как Олаф Святой, Магнус Добрый, Гаральд Смелый, и знатные норманны находили приют и защиту у Ярослава, а варяжские торговцы пользуются его особым покровительством. Сестра Ярослава Доброгрева-Мария была замужем за Казимиром Польским, вторая дочь его, Анна – за Генрихом I Французским, третья, Анастасия – за Андреем I Венгерским. Есть известия иностранных летописцев о родственных связях с английскими королями и о пребывании при дворе Ярослава двух английских принцев, искавших убежища.

Внутреннее управление

Значение Ярослава в русской истории основывается главным образом на его трудах по внутреннему устройству земли Русской. Ярослав был князем-«нарядником» земли, ее благоустроителем. Подобно отцу, он заселял степные пространства, построил новые города, такие как Юрьев (ныне Тарту) и Ярославль, продолжал политику предшественников по охране границ и торговых путей от кочевников и по защите интересов русской торговли в Византии. Он огорожил острожками южную границу Руси со степью и в 1032 году начал ставить здесь города – Юрьев (ныне Белая Церковь), Торческ, Корсунь, Треполь и другие.

Столица Ярослава, Киев, западным иностранцам казалась соперником Константинополя; ее оживленность, вызванная интенсивной для того времени торговой деятельностью, изумляла писателей-иностранцев XI века – показательно, что сын Ярослава, Всеволод, не выезжая из Киева, выучил пять языков. Украшая Киев многими новыми постройками, он обвел его и новыми каменными стенами («город Ярослава»), устроив в них знаменитые Золотые ворота, а над ними – церковь в честь Благовещения. Ярослав основал в Киеве на месте своей победы над печенегами храм святой Софии, великолепно украсив его фресками и мозаикой, а также построил тут монастырь святого Георгия и монастырь святой Ирины (в честь Ангела своей супруги). Прообразами этих построек были архитектурные сооружения Константинополя и Иерусалима. Завершение строительства совпало с созданием великого памятника древнерусской литературы, «Слова о Законе и Благодати», которое было произнесено будущим святителем Иларионом 25 марта 1038 года. Тогда же была написана первая русская летопись – т. н. «Древнейший свод».

Стержнем внутренней деятельности святого князя было содействие распространению христианства на Руси, развитию необходимого для этой цели просвещения и подготовки священнослужителей из русских. Как в Киеве, так и в других городах Ярослав не щадил средств на церковное благолепие, приглашая для этого греческих мастеров. При Ярославе приехали на Русь из Византии церковные певцы, научившие русских осьмогласному пению. Летописец Нестор отметил, что при Ярославе христианская вера стала «плодиться и расширяться, и черноризцы стали множиться, и монастыри появляться». Когда в конце его княжения надо было поставить нового митрополита на Киевскую митрополию, Ярослав в 1051 году велел собору русских епископов поставить митрополитом святителя Илариона, первого архипастыря Русской митрополии родом из русских.

Чтобы привить в народ начала христианской веры, Ярослав велел переводить рукописные книги с греческого на славянский и много сам их покупал. Собирая повсюду книгописцев и переводчиков, он умножил количество книг на Руси и постепенно ввел их в повсеместное употребление. Все эти рукописи Ярослав положил в библиотеку построенного им Софийского собора для общего пользования. Для распространения грамоты Ярослав велел духовенству обучать детей, а в Новгороде, по позднейшим летописным данным, устроил училище на 300 мальчиков.

Наконец, наиболее знаменитым Ярослав остался как законодатель. Уже в Новгороде, когда он был назначен туда наместником, его называли Правосуд – именно там и началась разработка писаных законов Руси. Ярославу приписывается древнейший русский памятник права – «Русская Правда» (также именуемый «Устав» или «Суд Ярославль»), являющийся сборником действовавших законов и обычаев, устным «Законом русском», который упоминался еще в договорах Руси с Византией. «Русская Правда» была дана Новгороду в 1016 году и явилась первым письменным кодексом законов – уголовным, гражданским и административным. Касался он прежде всего вопросов охраны общественного порядка. При Ярославе появился и Церковный Устав, или Кормчая книга, составленная на основе византийского Номоканона. В нем впервые были разграничены понятия греха и преступления: всякое преступление есть грех, но не всякий грех – преступление.

Характер и кончина

По отзыву летописи, великий князь «был хромоног, но ум у него был добрый и на рати был храбр». Описывая его характер, летописец говорит об уме, благоразумии, сострадании к неимущим, храбрости. Нрав Ярослава был строгим, а жизнь скромной, в отличие от его отца, любившего веселые пиры. Современники отмечали, что Ярослав был сам начитанным в богослужебных книгах человеком и владел большой личной библиотекой. Он, по словам летописца, считал книги «реками,

способными напоить мудростью». Благоверного князя отличало усердие в вере. По одному из преданий, он велел вырыть кости князей Ярополка и Олега и, окрестив их, похоронил в Киевской церкви Успения Пресвятой Богородицы, надеясь этим избавить души их от вечной муки и гибели.

Скончался благоверный великий князь Ярослав Мудрый 20 февраля 1054 года в

своей загородной резиденции Вышгороде, под Киевом. Похоронили его в

мраморном гробу в заложенном им Киевском Софийском соборе. Один из

подданных князя процарапал на стене храма надпись: «В лето 6562 месяца февраля

20-го успение царя нашего...». Разделив по себе земли между сыновьями и

передав киевский престол старшему сыну Изяславу, он оставил им такое завещание:

«Вот я отхожу от сего света, дети мои. Любите друг друга, ибо вы братья родные,

от одного отца и одной матери. Если будете жить в любви между собой, то

Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире. Если же стане

те ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов

и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим».

Память, оценки и почитание

Княжение Ярослава ознаменовалось расцветом стольного града Киева и укреплением экономических и культурных связей между отдельными частями государства. Это была эпоха высшего процветания Киевской Руси. Своей деятельностью Ярослав так возвысился, что со временем за ним закрепилось прозвание «Мудрого». Имя благоверного великого князя Ярослава было внесено в месяцеслов Русской Православной Церкви по благословению патриарха Московского и всея Руси Алексия II 8 декабря 2005 года.

БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР МОНОМАХ (1053–1125)

Память в Соборе всех святых, в земле Российской просиявших, и в Соборе Киевских святых 15/28 июля

Защитник Земли Русской и поборник народного единства князь Владимир Всеволодович Мономах был великим полководцем и первым писателем среди русских князей. Ещё его называли «византийцем на русском троне» за мудрость и кровное родство с византийским императором.

Родился Владимир в Переяславле в семье князя Всеволода Ярославича. В «Поучении» он писал о себе: «Аз худой, дедом своим Ярославом наречённый в крещении Василий, русским именем Володимир отцом и матерью своею из рода Мономахов...» С родовым именем византийских императоров «Мономах» он и вошёл в нашу историю. Ему, внуку двух могущественных властителей того времени — Руси и Византии, «на роду было написано» великое будущее. Воспитан юный княжич Владимир был своим отцом Всеволодом, наиболее образованным Ярославичем, и матерью в лучших традициях византийского двора. Согласно обычаю того времени, в три года мальчики знатных родов принимали постриг. Ему дарили коня, на которого отец усаживал сына. Остриженная прядь волос означала посвящение в мужеский чин. В семь лет начиналась подготовка к служению княжескому: Закон Божий, письмо, счёт, знакомство с отечественной и мировой историей по Изборникам и обязательное военное дело.

Его отец Всеволод Ярославич княжил тогда в Переяславле, земле, граничащей с Великой степью, в которой хозяйничали орды половцев. Этот степной народ, называемый так русскими за цвет волос, похожий на свежескошенную солому — полосу, вытеснил прежних кочевников — печенегов. Их кочевья распростёрлись в необъятных степях Причерноморья и Придонья. Их выносливые и манёвренные конские отряды совершали неожиданные молниеносные набеги на русские земли, выжигая всё дотла, и уводили в полон жителей. С таким жестоким и грозным

врагом пришлось столкнуться юному княжичу в детстве. С тех пор Владимир ясно осознал крайнюю необходимость совместной борьбы русских князей против опасного врага, грозившего разорить всю Русь.

Когда Владимиру исполнилось тринадцать лет, отец отправил его на самостоятельное княжение в далёкие ростовские земли, называемые залесскими, поскольку расположены они за непроходимыми лесами на самой восточной окраине Руси. Молодой князь проявил здесь недюжинные способности устроителя почти не освоенных ещё земель. Он построил новые крепости в Ростове и Суздале (их земляные валы можно видеть и по сей день). В Суздале заложил древнейший каменный храм Рождества Богородицы.

Он превратил Владимир на Клязьме, основанный его прадедом равноапостольным Владимиром, в цветущий укрепленный город. Основал на Клецином (Плещеевом) озере городок Клецин (будущий Переславль-Залесский). Людские силы для такого грандиозного строительства в полудиком ещё крае обретались по очень печальной причине. Люди бежали сюда, в залесье, от половецких разорений. За время своего правления Владимир преобразил этот «медвежий угол» в благоустроенный край.

С ранних лет Владимиру приходилось участвовать в суровых военных походах и распрях между князьями. Один из первых дальних походов был совершён после свержения с Киевского престола князя Изяслава. Братья Святослав и Всеволод вынудили его бежать в Польшу, под защиту родственников жены. Святослав стал великим князем, а русскому войску во главе с Мономахом и Олегом Святославичем пришлось участвовать в польско-чешской войне, чтобы уладить отношения с польским королём. После успешного похода в Чехию Владимир возвратился в Смоленск (свою новую вотчину).

Сюда же из далёкой Дании приехала его не веста — дочь английского короля Гарольда II Годвинсона Гита. Этот последний король англосаксонской крови погиб в битве с норманнами во главе с Вильгельмом Завоевателем при Гастингсе. Гита бежала к своему дяде, королю Дании Свену II Эстридсену. Датский король посчитал достойным выдать свою племянницу, английскую принцессу в изгнании, за князя Смоленского Владимира. Гита Уэссекская, став русской княгиней, одарила своего мужа множеством детей. Их первенец, впоследствии великий князь Киевский Мстислав, был канонизирован Русской Церковью.

В Смоленск из Чернигова перенёс Владимир икону Божией Матери, которою император Константин благословил царевну Марию при женитьбе с князем Всеволодом. Она была

установлена в храме Успения Божией Матери, построенном в 1101 году, и с тех пор стала именоваться Смоленской.

После кончины великого князя Святослава вернулся вместе с польским войском свергнутый князь Изяслав. Всеволод, просчитав расстановку сил и не желая кровопролития, посчитал благоразумным уступить старшему брату. Он остался княжить в Чернигове, а Владимир Мономах в Переяславле. В битве на Нежатиной Ниве произошла междоусобная битва, в которой погиб великий князь Изяслав. Великокняжеский стол теперь по закону наследовал Всеволод.

Однако занятие Киевского стола по тем временам совсем не означало жить припеваючи. Предстояло доказать своё право силой. И в этом Всеволоду помог его сын Владимир Мономах, ставший, по сути, соправителем. Желających нарастить свой удел и доказать свои права было немало. Дело в том, что закон, составленный Ярославом, хоть и упорядочивал престолонаследие по так называемому лествичному праву, но допускал столкновение интересов разных претендентов. Наследственная лестница выстраивалась

не по прямой линии от отца к сыну, а по старшинству в роде. То есть сначала брату, затем сыновьям старшего брата и так далее. Это вносило путаницу и давало «законное» основание нескольким претендентам оспаривать один и тот же удел. После вокняжения Всеволода Ярославича свои права обозначили сразу несколько претендентов. Прежде всего, Святославичи, то есть сыновья старшего брата, и Полоцкий князь Всеслав. Искусный полководец Владимир Мономах отстаивал права своего отца князя Всеволода, не столь умелого воителя. Святославичи, несмотря на подмогу половцев, были разбиты. Роман был убит в битве, Олег бежал в Тмутаракань (древнюю Таматарху). Тем временем Всеслав осадил Смоленск, но, узнав о приближении Мономаха, удалился восвояси. Владимир настиг его и, в свою очередь, разорил полоцкие земли и захватил Минск.

Затем последовали столкновения с торками. В результате этот степной народ окончательно принял подданство Руси, и в дальнейшем он вместе с остатками печенегов, берендеев и ковуев составил союз Чёрных клобуков, поселившихся на пограничных с Великой степью землях. В результате власть великого князя утвердилась. Это позволило предотвратить окончательное раздробление Руси на отдельные самостоятельные княжества.

Находясь в Чернигове, Владимир постоянно приезжал к своему отцу, преодолевая по сто шестьдесят вёрст верхом на коне. Выехав утром, он поспевал к вечерней службе в Киев. По существу, Мономах стал соправителем великого князя.

По кончине Всеволода вновь разгорелась междоусобная распря. Старший сын князя Изя-слава Святополк, как старший в роду по лествичному праву, становился первым претендентом на звание великого князя. Владимир уступил ему занятый было престол, не желая возобновлять братоубийственную войну, хотя сила была на его стороне. Он выехал в Чернигов, став «братом младшим».

Святополк, желая доказать свою храбрость, горел жаждой наказать половцев за их набеги. Имея всего восемьсот дружинников, он готовился к походу. Напрасно Владимир доказывал ему, что этого войска недостаточно. Нужны десятки тысяч. Всё напрасно. Святополк выступил в поход, и Мономах вынужден был присоединиться, хотя и понимал всю пагубность такого шага. За рекой Стугной русская рать изготовилась к битве. На правом крыле выстроилась дружина Святополка, на левом — черниговцы Владимира, в центре — переяславцы князя Ростислава Изяславича. Половцы решительно атаковали киевлян. Князь Святополк и его дружинники сражались мужественно, но были смяты половецкой конницей. Ряды русского войска смешались. Пришлось спасаться бегством. Переправляясь через реку, Ростислав начал тонуть в тяжёлых доспехах. Владимир бросился к нему на помощь, но сам чуть не погиб. Спасли верные дружинники. Остатки дружин заперлись в Чернигове и Киеве, предоставив окрестности на полное разграбление кочевников. Святополк был вынужден заключить с половцами невыгодный мир и жениться на дочери хана Тугоркана (в русских былинах его имя сохранилось как Тугарин Змеевич). Такое имя тоже использовалось.

Стало ясно, что одолеть столь опасного врага можно только совместными усилиями всех русских князей. Вместо этого междоусобицы продолжились. Теперь уже Олег Тмутараканский (двоюродный брат Владимира по прозвищу Гориславич) потребовал себе в удел Чернигов, ссылаясь на старшинство его отца Святослава. Владимир и на этот раз решил уступить и выехал с семьёй из Чернигова в Переяславль. Однако Олег не уgomонился и при помощи половцев захватил Муром, убив Мономахова сына Изяслава. А затем захватил Ростов и Суздаль.

Тогда за отца и братьев вступился старший сын Мономаха, Новгородский князь Мстислав. Он разгромил войско своего дяди и вернул ростовские земли братьям. Мономах, не желая дальнейшего кровопролития, обратился к Олегу с увещательным письмом: *«Долго печальное сердце моё боролось с законом христианина, обязанного прощать и миловать: Бог велит братьям любить друг друга... Ныне в чести и в славе, завтра в могиле, и другие разделят наше богатство! ...Убив моего сына и твоего собственного крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядший цвет, ты не пожалел об нём... Не*

укоряю тебя безвременною кончиною любезного мне сына: и знаменитейшие люди находят смерть в битвах; он искал чужого и ввёл меня в стыд и в печаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если бы ты, взяв Муром, не брал Ростова и тогда же примирился со мною. Если имеешь совесть, если захочешь успокоить моё сердце и с послом или священником напишешь ко мне грамоту без всякого лукавства, то возьмёшь добрым порядком область свою, обратишь к себе наше сердце, и будем жить ещё дружелюбнее прежнего. Я не враг тебе ... Мы выгнали тебя из Чернигова единственно за дружбу твою с неверными. ... Богу известно, что я желаю добра Отечеству и братьям. Да лишится навеки мира душевного, кто не желает из вас мира христианам! Не боязнь и не крайность заставляют меня говорить таким образом, но совесть и душа, которая мне всего на свете драгоценнее».

Это назидательное послание, многократно переписанное впоследствии потомками, не вразумило самого Олега, и он выступил уже против Мстислава, но был разбит на реке Клязьме и бежал в Рязань. Все эти трагические события со всей наглядностью показали пагубность для Русской земли княжеской междоусобицы. Владимир Мономах уговаривал всех удельных князей собраться вместе и прекратить распри. В знаменательный для Руси 1097 год в Любече собрались русские князья. Несмотря на взаимную подозрительность и прежние обиды, князья-братья договорились прекратить вражду: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу разоряют розно и рады, что между нами идут войны». Ради прекращения взаимных претензий было определено: «Каждый держит отчину свою». Это решение было невыгодно Мономаху, поскольку закрепляло черниговские земли не за ним, а за строптивым Олегом, прозванным Гориславичем. Но давало возможность князьям мирно уживаться. «Да будет земля Русская общим для нас Отечеством, а кто вос станет на брата, на того мы все восстанем».

Князья целовали крест и разъехались по своим отчинам, но вскоре были потрясены новым вероломством. Давыд Игоревич посчитал себя обделённым решением съезда, оклеветал пред великим князем Святополком Владимира Мономаха и Василька Ростиславича. Его слуги заманили Василька и ослепили его. Услышав о таком злодействе, князья собрались в Киеве и потребовали ответа от Святополка. Над Русью вновь сгустились тучи возможного междоусобья. Но грозу остановил митрополит Киевский, увещевая князей не начинать кровопролития. На общем собрании заговор был раскрыт, и Давыд был лишен своего прежнего удела и отправлен в Бужск, меньший удел.

Договор русских князей позволил объединить усилия для борьбы со смертельным врагом —половцами. Они появились в

южнорусских степях в середине XI века. Русские князья попытались обуздать кочевников, но остановить половецкие набеги удалось только Владимиру Мономаху, поднявшему на борьбу всю Русскую землю.

В 1103 году у Долобского озера князья вновь встретились для обсуждения совместных действий. Противники похода в половецкие степи опасались, что, забрав коней во время сева, можно остаться без урожая. Но Мономаху удалось убедить в его необходимости: «Удивляюсь, что вы жалуете коней более Отечества. Мы дадим время пахать земледельцу, а половчин застрелит его на самой ниве, въедет в село, пленит жену, детей и возьмёт всё имение оратая». Вскоре объединённая русская рать выступила в поход. За Днепровскими порогами, у Хортицкого острова, отдельные княжеские дружины собрались вместе и четыре дня шли степями на восток до места, называемого Сутень. Половцы бахвалились разбить русское войско и завладеть городами, оставшимися без защиты. Тогда передовые части русов заманили сторожевой отряд хана Алтунопы в засаду и разбили его. Подошли главные половецкие силы, которые, выстроившись, казались необозримым бором. Но, смятые решительным ударом русских воинов, бежали. Половецкое войско было разбито наголову. Во время преследования погибло множество половцев, в том числе двадцать знатных ханов. Такого разгрома половцы ещё не знали. Увенчанный славой Владимир Мономах провозгласил: «Сей день есть праздник для Отечества!» С богатой добычей и славой русское войско возвратилось домой.

На следующий год половцы попытались отомстить за поражение. Они осадили Лубны в Переяславской земле, но были отогнаны объединённым воском Мономаха и Святополка. Бросив добычу, степняки ускакали обратно.

Хан Боняк начал переговоры, закончившиеся подписанием мирного договора. Для закрепления сей договорённости состоялась женитьба сына Мономаха Юрия Долгорукого на дочери хана Аепы (в крещении Анны, будущей матери Андрея Боголюбского). А также её сестры и Святослава Олеговича Черниговского. Став свояками, Юрий и Святослав встретятся в 1147 году на берегу Москвы-реки, в месте будущей столицы Московского царства.

Но и эта победа не принесла окончательного мира. Владения половцев (кипчаков, как они сами себя называли) в то время уже простирались от низовьев Дуная до Иртыша. Их орды действовали независимо друг от друга. Набеги продолжились.

В год 1111-й (6619-й от сотворения мира) для окончательного устранения половецкой опасности был предпринят новый поход объединённого русского войска. Русичи углубились далеко в

Донские степи. По повелению Мономаха перед войском шли певчие и духовенство и пели тропари Честному Кресту и канон Пресвятой Богородице. Это были первые военные священники Русской армии. По преданию, огненный столп («огненный Ангел») сопровождал в этом походе наши войска.

В Донских степях на реке Сальнице русская рать встретились с главными силами кочевников. Князя, положив упование на Бога, возгласили: «Здесь нам смерть, станем же крепко». В кровавой сече пало множество врагов, и русские одержали победу. Но через три дня половцы собрали новые полки и окружили русское войско. Летописец описал эту битву: «И послал Господь Бог Ангела на помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и полки русские. И битва жестокая завязалась между ними, и падали люди с обеих сторон. И стали наступать Владимир с полками и Давыд, и половцы обратились в бегство... Перебито было иноплеменников великое множество. И спас Бог людей Своих. ...Святополк же, и Владимир, и Давыд прославили Бога, даровавшего им такую победу над погаными (так называли тогда язычников. — Авт.), и взяли поло- на много, и скота, и коней, и овец, и пленников». Весть о славной победе русских князей донеслась до Чехии, Польши, Венгрии и самого Рима. Некоторые историки называют этот поход против язычников «Крестовым». Подобно тому, в котором участвовал двоюродный брат Моно- маха Гуго Капетинг, сын Анны Ярославны.

Ужас охватил Половецкую степь. Половчанки стали пугать своих детей именем Мономаха. Довершил дело сын Владимира Мономаха отважный князь Ярополк. Его последний поход завершился тем, что он просто не нашёл в степи никого. Половецкие орды откочевали за Волгу. Половцы затихли и при жизни Мономаха Русь больше не тревожили.

Владимир Мономах вёл русские войска в степь под знаменем Христа. Это были военно-религиозные походы, пронизанные сознанием веры. С тех пор на Руси политика и Православие становятся неразделимы. Формируется симфония светской и церковной властей. Именно за это Владимира Мономаха называют «византийским политиком на русском троне».

Древняя Русь становилась державой, определявшей геополитическую карту Восточной Европы и Средиземноморья. Столь выдающиеся военные успехи были достигнуты во многом благодаря полководческому таланту Владимира Мономаха. В своём «Поучении детям» он писал: «Всех походов моих было 83 больших, а меньших и не упомню». Эти походы научили его не бояться ни голода, ни холода, ни смерти. Быть закалённым и бесстрашным.

Столь выдающиеся военные успехи были достигнуты во многом благодаря полководческому таланту Владимира Мономаха. В своём «Поучении детям» он писал: «Всех походов моих было 83 больших, а меньших и не упомяну». Эти походы научили его не бояться ни голода, ни холода, ни смерти. Быть закалённым и бесстрашным. Мономах наставлял: «На войне будьте деятельны; служите примером для воевод. Не время тогда думать о пиршествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапно: для того не слагайте с себя оружия, где может встретиться опасность, и рано садитесь на коней». Через столетия эти наставления отразились в «Науке побеждать» великого полководца Суворова.

Митрополит Никита, восхваляя добродетели Мономаховы, писал: «Разум есть светлое око души, обитающей во главе. Как ты, государь мудрый, сидя на престоле, чрез воевод своих управляешь народом, так душа посредством пяти чувств правит телом. Не имею нужды во многоречии: ибо ум твой летает быстро, постигая смысл каждого слова. Могу ли предписывать тебе законы для умеренности в чувственных наслаждениях, когда ты, сын княжеской и царской (греческой) крови, властитель земли сильной, не знаешь дому, всегда в трудах и путешествиях, спишь на голой земле, единственно для важных дел государственных вступаешь во дворец светлый и, сниская с себя любимую одежду простую, надеваешь властительскую; когда, угощая других обедами княжескими, сам только смотришь на яства роскошные?.. Восхваляю ли тебе и другие добродетели? Восхваляю ли щедрость, когда десница твоя ко всем простёрта; когда ты ни сребра, ни злата не таишь, не считаешь в казне своей, но обеими руками раздаёшь их, хотя оскудеть не можешь, ибо благодать Божия с тобою?.. Человек в лице, Бог в сердце».

Великий князь Владимир Мономах (в крещении Василий) уже в Киево-Печерском патерике именовался благоверным. Древняя канонизация была подтверждена включением его имени в Собор всех святых, в земле Российской просиявших, и в Собор Киевских святых (15/28 июля, в день памяти его прадеда, равноапостольного великого князя Владимира).

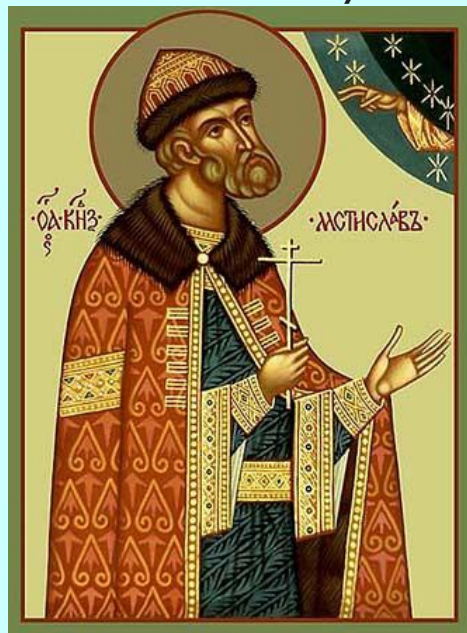
Русская земля взрастила ещё одного своего заступника и молитвенника.

Таким был святой угодник Божий на русском престоле: политик, полководец, мыслитель, писатель, законодатель, миротворец и милосердный отец своим детям и своему народу — Владимир Всеволодович Мономах.

БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ (1076–1132)

Память 2/15 апреля

Память в Соборе всех святых, в земле Российской просиявших, и в Соборе Киевских святых 15/28 июля

Князь Мстислав при рождении получил имя, означающее «славный защитник» («мстить» — по-древнерусски значит «защищать», «наказывать»). В Крещении он был наречён Феодором («Божий дар»). В Европе его называют Гарольд (по имени деда, англосаксонского короля). В русской истории Мстислав сохранился с именем Великий.

Он родился в семье великого князя Владимира Мономаха и принцессы Гиты Уэссекской, приехавшей на Русь после гибели отца в битве с норманнскими завоевателями.

Как старший сын он твёрдо усвоил заветы своего знаменитого отца, высказанные в «Поучении детям»: любовь к Богу, храбрость воина, искусство полководца, рачительность хозяина своего дома и всей державы.

Немецкий церковный хронист Руперт в «Похвале Пантелеимону» описал случай из детства Мстислава. Во время охоты медведь распорол ему живот, да так, что внутренности выпали наружу. Его мать Гита обратилась с пламенной молитвой к целителю. И помощь пришла. Однажды утром к больному пришёл неизвестный юноша и принёс необходимые снадобья. В благодарность Гита дала обет совершить паломничество на Святую Землю. А сам Мстислав позже заложил основание для монастыря во имя Пантелеимона в Новгороде. Но построил монастырь уже его сын Изяслав, в Крещении названный именем святого-целителя.

Именно здесь начал свое княжение юный Мстислав в тринадцатилетнем возрасте. До наших дней украшает древнюю Северную столицу Руси Николо-Дворищенский собор на Ярославовом дворище, выстроенный князем Мстиславом. При нём был значительно расширен Детинец (кремль). «Заложил Новгород велик», по слову летописца. Тогда же были построены новые палаты для новгородского владыки. К несчастью, не сохранилась церковь Благовещения на Городище того же времени. Она просуществовала до Великой Отечественной войны и была разрушена немецкой артиллерией.

Предположительно для этой церкви по заказу князя было создано Евангелие-Апракос (с разделением для богослужебного чтения). Книга была написана уставом с изображениями евангелистов и украшена изящными заставками. В Константинополе для него по заказу князя был изготовлен драгоценный оклад. Это уникальное издание вошло в историю русского благолепия (по-современному — «древнерусского искусства») под названием «Мстиславово Евангелие».

Летопись сохранила подробное описание междоусобной брани, в которой Мстислав выступил соответственно значению своего имени — мстителем, защитником своих братьев. Ему пришлось вступить в борьбу со своим дядей, Олегом Святославичем. Черниговский князь Олег силой захватил Муром. При этом в бою погиб князь Изяслав, брат Мстислава. Затем Олег захватил Ростов и Суздаль, в которых также княжили Мономаховичи. Новгородский князь собрал дружину и на реке Колокша разбил войско Олега, не брезговавшего призывать на помощь степных кочевников-половцев. Миротворительный князь Мстислав предложил Олегу, своему крёстному отцу, прекратить кровопролитие и обещал заступничество перед великим князем. Показывая своё миротворение, он распустил дружинников. Но коварный Олег, притворно согласившись, опять выступил против своего племянника. За несколько дней Мстислав вновь собрал дружину из жителей Новгорода, Ростова и Суздаля и в день памяти своего Небесного покровителя Феодора Тирона в упорной битве вторично разгромил Олегову рать. Несчастный Олег, прозванный в народе «Гориславичем», бежал в Рязань и, отчаявшись, не знал, где приклонить голову. Мстислав же и на этот раз не стал добивать своего родственника, прося лишь вернуть пленников. Блаженный князь отправил ему послание: «Святополк (великий князь) и Владимир не лишат тебя земли. Я буду твоим ходатаем. Останься в своём княжении. Только смиришься».

Новгородцы любили своего князя. Благодарили Бога за такого храброго, великодушного и мудрого правителя. Они сами

пригласили его, когда тот ещё правил в Ростове. Мстислав был милостив не только к врагам, но тем паче к своим подданным. Он ввёл посильные налоги, не собирая сверх того, что люди могли дать на содержание княжеского двора с дружиною. Мстислав дал клятву новгородцам на вечное княжение. Время его правления в Великом Новгороде было действительно благословенным. Не случайно, когда великий князь Святослав хотел перевести своего сына в Новгород, новгородцы ответили ему:

«Если у твоего сына две головы, можешь присылать его».

Доблестный князь предпринял два похода на эстов. Захватил их города и множество пленных. Тогда же по повелению Мстислава посадник Павел заложил новую крепость в Старой Ладоге, где был построен каменный храм в честь Георгия Победоносца. Стены этой крепости сохранились до наших дней.

И всё же Мстиславу пришлось покинуть обжитый Великий Новгород. По повелению князя Владимира Мономаха он был переведён в Белгород как будущий преемник и помощник отцу в противостоянии с Волынским князем Ярославом, пытавшимся захватить великокняжеский престол с помощью поляков и венгров.

Сын Мстислава Всеволод был оставлен на княжение в Великом Новгороде. Смоленское княжество возглавил Ростислав, родоначальник княжеского дома этого древнего русского города. Чуть позже в Курске начал править Изяслав. Всех этих сыновей подарила мужу его жена Христина, дочь короля Швеции Инге I Старшего, Стенкильссона, которая приходилась ему четвероюродной сестрой... На фресках церкви Спаса на Нередице есть изображение святой Христины, которая, как считают, имеет внешнее сходство с женой князя Мстислава.

Рассматривая кровное родство великих князей Древней Руси, мы находим, что их близкие родственные связи ведут к знатым королевским домам Европы: Швеции, Норвегии, Дании, Франции, Англии, Польши, Венгрии, Чехии, балтийских славян. Сами великие русские князья, начиная с Ярослава Мудрого, имели в своей крови греческую (византийскую), а затем и шведскую долю. Стали они от этого инородцами? Нет. По вере, по духу и по той же самой крови они были настоящими русскими людьми, представителями европейской цивилизации. В свою очередь обогатившими Европу достижениями Русского мира.

Христина умерла рано. Второй женой Мстислава стала Любава, дочь новгородского посадника Дмитрия Завидича. Она принесла Мстиславу ещё четырёх детей. Из них Евфросиния стала королевой Венгрии, Дюрансия — женой Моравского князя Ото III, который провёл

молодые годы на Руси. Владимир Мстиславич стал Киевским князем. Как и его сводные братья, Изяслав и Ростислав. Но прежде великокняжеский стол занял их отец.

В 1125 году по кончине Владимира Мономаха великим князем Киевским стал Мстислав Владимирович. И вновь никто из претендентов не оспорил права на великокняжеский престол. Слишком высок был авторитет князя Мстислава. Равно как и его отца.

Правда, к тому времени власть великого князя ещё менее распространялась на удельные владения. Приходилось силой доказывать своё право на господство во всей стране. Мстиславу это удалось. Самым напряжённым было противостояние с Полоцким княжеством, которое продолжало оставаться наполовину самостоятельным. Правители Полоцка тяготели в сторону Запада и были не прочь вообще получить полную независимость от Киева. В результате нескольких междоусобных столкновений верховная власть Киевского князя была подтверждена. На Полоцкий стол был посажен Изяслав Мстиславич, а местные князья были высланы в Константинополь. Это принесло пользу Русскому государству, позволив объединить усилия в отражении внешних врагов и на время избежать разобщения уделов на отдельные княжества.

Великий князь Мстислав предпринял поход на извечных врагов, наносивших огромный урон Русской земле, — половцев. Кочевники были отогнаны не только за Дон, но и дальше — за Волгу.

Поход против дикой литвы также был успешен. В честь победы был заложен храм для присланной из Константинополя Пирогощей иконы Божией Матери.

Сохранилась грамота князя Мстислава, в которой он повелел передать землю Георгиевскому монастырю с правом взимать дань и виры (штрафы): *«Се аз Мстислав Владимира сын, держа Русьску землю в свое княжение повелел сыну своему Всеволоду отдати (селение) Буицы святому Георгию с данию и вирами...»*

В Киеве князь Мстислав основал монастырь во имя своего Небесного покровителя Феодора Тирона. Здесь археологами были найдены печати князя Мстислава с изображением этого святого. Мстислав прекрасно понимал, что православные монастыри были средоточием русской духовности, залогом крепости духа, особенно необходимого правителям и воинам. Да, воины нужны для ратного дела, но воины, сильные духом, ещё нужнее.

Неудивительно, что, глядя на семью великого князя Мстислава, мы видим картину, сходную с семьёй его деда Ярослава Мудрого.

К лику святых были причислены: его отец Владимир Мономах, сыновья Всеволод Псковский и Ростислав Смоленский, зять Кнуд Лавард (король бодричей) и внуки Андрей Боголюбский и Мстислав Новгородский. Воистину Воистину святое семейство.

В год 6640-й (1132-й от Рождества Христова) на пасхальной неделе великий князь Мстислав Владимирович отошёл ко Господу на пятьдесят шестом году своей жизни. Он был положен в построенной им церкви святого Феодора.

Кончина князя

Мстислава обернулась бедой для Русской земли. Он завещал великокняжеский престол, согласно лествичному праву, своему брату Ярополку, старшему в роде. С этого дня вражда князей между собой приняла затяжной и кровопролитный характер. Государство, по сути, распалось на отдельные княжества, мало связанные между собой.

Князь Мстислав, получивший престол от Владимира Мономаха по прямой линии — от отца к сыну, стал последним правителем, при котором Русская земля была едина и могущественна.

Почитание князя Мстислава началось вскоре после его блаженной кончины. Уже современники называли его милостивым и христоролюбивым. Наслав, который возил Мстиславово Евангелие в Царьград для изготовления оклада, писал: *«Много труда подъял я и печали. Но Бог утешил меня молитвой доброго князя. Дай Бог его молитву всем христианам»*. Благоверный князь Мстислав почитается православным народом в соборе Новгородских святых. Житие Мстислава, переписанное с русского источника, было помещено сначала в Болгарском, а затем в Сербском прологе XIII века. Знаменитый русский историк Василий Никитич Татищев писал о нём в «Истории Российской»: *«Он был великий правосудец, в воинстве храбр и доброраспорядочен, всем соседям был страшен, к подданным милостив и рассмотрителен. Во время его все князи Русские жили в совершенной тишине и не смел един другого обидеть»*.

БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД ПСКОВСКИЙ
(1095–1138)

Память 11/24 февраля, 22 апреля/5 мая (перенесение мощей), 27 ноября/10 декабря (обретение мощей)

«С молодости, умудренный Богом князь Гавриил, ты явился священным сосудом, избранным Богом, будучи воспитан в благочестии, ты сохранил непорочной веру и устроил многие святые церкви, претерпел изгнание от своих так же, как целомудренные предки твои, убитые своим братом. С ними же предстоя Святой Троице, молись о сохранении Российского государства и спасении нас всех»

/ Тропарь благоверному князю Всеволоду, в Крещении Гавриилу, Псковскому, глас 4

«О, великий угодниче Божий и преславный чудотворче, святой благоверный княже Всеволоде-Гаврииле, града Пскова и всея державы Российския небесный заступниче и покровителю, и всех нас усердный пред Богом предстателю и защитителю! Предстоя Престолу Великаго Царя и Бога нашего, в Троице Святей славимаго и покланяемаго, велие дерзновение к Нему имаше, яко верный раб Его и угодник. К тебе убо, яко сродному нам и многомощному пред Господом ходатаю, прибегаем мы грешнии и недостойнии, и умиленно просим тя: моли Всеблагаго Бога, да отвратит от нас гнев Свой, праведно по делам нашим на ны движимый, и презрев безчисленная прегрешения наша, обратит нас на путь покаяния и спасения. Огради молитвами твоими в мире жизнь нашу, и ко всем благое поспешение и вся к животу и благочестию потребная нам даровати испроси, и якоже древле град твой Псков от пленения и разорения ратнаго избавил

еси, тако и ныне и нас и вся грады и веси страны нашея от всяких напастей и бед и внезапных смерти предстательством твоим избави, и от всех враг видимых и невидимых покровом твоим защити. Сохрани молитвами твоими в мире державу нашу и будь всей стране Российстей крепкое ограждение; да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте, и тако в мире временное сие житие прешедшии, в вечный достигнем покой, и сподобимся Небеснаго Царствия, славяще Отца и Сына и Святаго Духа, и твое святое заступление, во веки веков. Аминь»

/ Молитва благоверному князю Всеволоду, в Крещении Гавриилу, Псковскому

Особое место в сонме русских святых занимают благоверные князья. В праздновании их памяти прославляются не властные полномочия, которые они имели в земной жизни, не родовитое происхождение, а подвиг веры, который запечатлен в благочестии, милости и заботе об укреплении христианской веры. Одним из ярких примеров жертвенного княжеского служения был святой благоверный князь Всеволод (Гавриил) Псковский, Новгородский.

Обращаем ваше внимание на то, что до XIV столетия было в обыкновении на Руси давать детям князей два имени: одно в 1-й день рождения – славянское, заключавшее в себе слова «мир, власть, слава» и подобные им, или бывшие созвучными с христианскими именами. Это имя называлось княжьим именем. Другое имя – христианское – давалось при крещении. Первое имя пользовалось большей известностью, чем второе.

Святой благоверный князь Всеволод (в святом крещении Гавриил) – великий князь Новгородский (1117-1132), Переяславский (1132), Вышгородский (1136-1137), Псковский (1137-1138), старший сын киевского великого князя Мстислава (Феодора) Владимировича (1125-1132) от брака с Христиной, дочерью шведского короля Инге Первого Старшего (1080-1112) и старший внук киевского князя Владимира (Василия) Всеволодовича Мономаха (1113-1125).

Святой благоверный князь Всеволод почти всю жизнь прожил в Новгороде, где в 1088-1093 и 1095-1117 годах княжил его отец, святой благоверный князь Мстислав-Феодор Великий (15.04.1132+).

Семья и дети святого благоверного князя Всеволода. С 1123 года был женат на Анне, дочери князя Святослава Давидовича Луцкого (в монашестве Николай Святоша). Дети: Иван

Всеволодович (16.04.1128+) – скончался ребёнком; Владимир Всеволодович (около 1141+) – князь новгородский (в 1136); Анна Всеволодовна (Янка; 10.04.1128+) – умерла ребёнком; Мстислав Всеволодович (1128-1168); Верхуслава Всеволодовна (около 1125-15.03.1162).

В 1117 году, когда великий князь Владимир Мономах дал в удел Мстиславу Белгород Киевский, фактически сделав его своим соправителем, молодой Всеволод остался наместником отца на Новгородском княжении. Много доброго сделал святой князь Всеволод для Новгорода. Со святителем Нифонтом, архиепископом Новгородским (память 8 апреля), он воздвиг множество храмов, среди которых – собор великомученика Георгия в Юрьевском монастыре и храм святого Иоанна Предтечи на Опоках, построенный в честь Ангела его сына-первенца Иоанна, умершего в младенчестве (1128+). В Уставе князь даровал льготные грамоты собору Святой Софии и другим церквям. В страшный голод, спасая людей от гибели, он истратил всю казну.

Князь Всеволод был доблестным воином, победоносно ходил на Ямь (1123) и на Чудь, но никогда не брался за меч ради корысти и власти.

В 1132 году, по смерти святого великого князя Мстислава, Киевский князь Ярополк Владимирович, дядя Всеволода, следуя завещанию брата, перевел Всеволода в Переяслав Южный, считавшийся старшим после Киева городом. Но младшие сыновья Мономаха – Юрий Долгорукий и Андрей Добрый, опасаясь, что Ярополк сделает Всеволода своим наследником, выступили против племянника. Не желая междоусобиц, святой князь вернулся в Новгород, но его приняли с неудовольствием. Новгородцы считали, что князь был “вскормлен” ими и не должен был уходить от них. “Ходил Всеволод в Русь, в Переяслав, – отметил новгородский летописец, – а целовал крест новгородцам, сказав “хочу у вас умереть”».

Стремясь восстановить добрые отношения с новгородцами, князь в 1133 году предпринял новый победоносный поход на Чудь и присоединил к новгородским владениям Юрьев. Но тяжелый зимний поход 1135-1136 годов на Суздаль окончился неудачей. Своевольные новгородцы не вразумились Божиим наказанием и не могли простить поражения своему князю. Вече решило призвать князя из враждебного Мономаховичам рода Ольговичей, а святого Всеволода осудило на изгнание: “изгнание претерпел еси от своих”, – поется в тропаре святому. Полтора месяца князя с семьей, как преступника, держали под стражей на архиерейском

дворе, а когда прибыл князь Святослав Ольгович, “пустиша из города”.

Всеволод вновь ушел в Киев, и дядя Ярополк дал ему в держание Вышгородскую волость под Киевом, где в X веке, в годы правления своего сына Святослава, жила святая равноапостольная великая княгиня Российская Ольга (память 11 июля). Ольга, “градов Киева и Пскова изрядная доброто”, защитила своего несправедливо обиженного потомка: в следующем, 1137 году жители Пскова, помнившие походы новгородско-псковского войска под водительством князя, призвали его на псковское княжение, на родину равноапостольной Ольги. Это был первый Псковский князь, избранный по воле самих псковичей.

Славным деянием святого благоверного князя Всеволода-Гавриила во Пскове была постройка первого каменного храма во Имя Живоначальной Троицы на месте деревянного, времен равноапостольной Ольги. На иконах святого часто пишут держащим в руке храм “об одном верху – Святая Троица”.

Только год прокняжил во Пскове святой Всеволод – 11 февраля 1138 года он скончался, прожив 46 лет. Весь Псков собрался на погребение любимого князя, не было слышно церковного пения от народного плача. Новгородцы, опомнившись, прислали протопопа из Софийского собора, чтобы взять в Новгород его святое тело, но князь отвратился от Новгорода, и рака не двинулась с места. Горько плакали новгородцы, раскаиваясь в неблагодарности, и молили даровать им хоть малую частицу святого праха “на утверждение граду”. По их молитвам отпал ноготь от руки святого. Псковичи положили святого Всеволода в храме святого великомученика Димитрия. Рядом с гробом поставили боевое оружие князя – щит и меч, имевший форму креста, с надписью по-латыни “Чести моей никому не отдам”.

Никогда не нарушалась глубокая духовная связь города святой равноапостольной Ольги со святым князем: он навсегда остался псковским чудотворцем. При осаде Пскова Стефаном Баторием в 1581 году, когда уже была разрушена крепостная стена и поляки были готовы ворваться в город, из Троицкого собора с крестным ходом принесли на место сражения святые мощи князя Всеволода, и враг отступил. При явлении чудотворной Псково-Покровской иконы (память 1 октября) святой благоверный князь Всеволод-Гавриил был среди небесных защитников Пскова.

27 ноября 1192 года были обретены мощи святого князя Всеволода и перенесены в Троицкий собор, в котором был освящен в честь его придел. Канонизирован Русской Церковью для

общего почитания на Макарьевском соборе 1549 года как святой благоверный князь Всеволод Псковский.

Память совершается 11 (24) февраля шестеричным богослужением, 27 ноября (10 декабря) – обретение святых мощей, 22 апреля (5 мая) – перенесение святых мощей, 14 июля (переходящая) – в Соборе Псковских святых. 22 апреля 1834 года, в первый день Пасхи, святые мощи были торжественно перенесены в главный храм собора.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИЛИЯ МУРОМЕЦ

Память 1 ЯНВАРЯ

2024 года Русская Православная Церковь чтит память преподобного Илии Муромца. Каноническое житие его не составлено. О жизни святого от рождения и исцеления до кончины известно из многочисленных былин. Наиболее ранние письменные свидетельства относятся к XVI веку. Былины повествуют о том, что родился Илия в селе Карачарово под Муромом ныне Владимирской области. Это было, предположительно, около 1143 года в семье крестьянина Ивана, Тимофеева сына и его жены Евфросиньи, дочери Якова.

В былине об исцелении Илии Муромца рассказывается, что он до 30 лет не владел ногами (был «сиднем»), днем и ночью молился и клал поклоны. Однажды в дом вошли калики перехожие (странники) и властно сказали Илие: «Поди и принеси нам напиться!». Илия, проводивший все время в молитвах, не мог послушаться старцев. Искренне желая выполнить их волю, он встал на ноги и таким образом исцелился. Благодаря Господу, Илия не только встал на ноги, но и ощутил в себе силу великую, которую, по наставлению чудотворцев, должен был потратить на добрые дела. Получив благословение отца и пожелание не убивать никого по злобе, он отправился в Киев, чтобы стать княжеским

дружинником. Там среди воинов ему не было равных по силе, смелости и непобедимости.

Былины свидетельствуют об истинно христианском смирении и кротости Илии Муромца, величавом спокойствии и мире душевном: «Я простой русский богатырь, крестьянский сын. Я спасал вас не из корысти и мне не надо ни серебра, ни золота. Я спасал русских людей, красных девушек, малых деточек, старых матерей. Не пойду я к вам воеводою в богатстве жить. Мое богатство — сила богатырская, мое дело Руси служить, от врагов оборонять». Так определился его жизненный путь: защита веры, Родины, слабых.

Свою службу Илия нес около 10 лет. В конце жизненного пути он принял решение уйти в монастырь. И через некоторое время стал послушником в Киево-Печерском монастыре. В то время так поступали многие воины, утратившие по возрасту или ранению способность быть дружинниками, заменяя сражения духовными подвигами и проводя свои последние дни в постах и молитвах. Отсутствие в Киево-Печерском патерике жития преподобного Илии косвенно свидетельствует о том, что в иноческих подвигах святой воин успел провести не так много времени. Это дает основание предположить, что его постриг пришелся на время игуменства преподобного Поликарпа Печерского (1164–1182).

Ранения, полученные богатырем в бою, были тяжелыми, и примерно через 2 года, около 1188 года, предположительно на 45-м году жизни святой воин Христов отходит из жизни земной в жизнь вечную.

Сегодня мы можем только догадываться о том, какие иноческие подвиги Илия совершил в монастыре, но нетленные мощи свидетельствуют о том, что духовную брань он совершал с не меньшей доблестью.

Первоначально Илия Муромец был похоронен в Софийском соборе, а затем перезахоронен рядом со святыми угодниками в Ближних Антониевых пещерах Киево-Печерской лавры.

В документальном источнике имя героя Древней Руси впервые упоминается во второй половине XVI века, в описании иностранным послом его гробницы. А в архивах Киево-Печерского монастыря самое раннее найденное свидетельство датируется 1638 годом: в книге одного из лаврских монахов о подвижниках этой обители несколько строк посвящено и Илье Муромцу. Сохранилось оставленное Московским паломником Иоанном Лукьяновым описание мощей Ильи Муромца, которым он поклонялся в 1701 году: «Видехом храброго воина Илию Муромца

в нетлении под покровом златым; ростом – яко нынешние крупные люди; рука у него левая пробита копием, язва вся знать (видна), а правая изображена крестным знаменiem».

Преподобный Илия почивает в молитвенном положении, сложив персты правой руки так, как принято и теперь в Православной Церкви — три первые перста вместе, а два последние пригнув к ладони.

Официально святой канонизирован в 1643 году в числе еще 69-ти угодников Киево-Печерской лавры. Перед его образом молятся о победе над врагами.

Отождествление русского былинного богатыря Ильи Муромца и инока Илии Киево-Печерской лавры было подтверждено медико-антропологическим исследованием святых мощей, которое проводилось в 1988-1990 годах. Его останки датированы XII веком. Исследования позволили установить, что Илья действительно по меркам того времени был богатырем – его рост составлял 177 сантиметров, что значительно выше среднего роста того времени. Кроме этого, он отличался крепким телосложением. Умер Илья в возрасте 40-45 лет. Но главная находка, которая косвенно подтверждала версию, что былинный Илья Муромец и инок Илия Печерский – это один и тот же человек, заключалась в позвоночнике покойного. Судмедэксперты выявили дефекты позвоночника — подтверждение перенесенного в молодости тяжелого заболевания опорно-двигательной системы. Вероятно на протяжении какого-то времени Илия Печерский действительно не мог ходить. Экспертиза обнаружила несколько переломов ребер и правой ключицы, сквозную рану на левой руке, проникающее ранение груди (вероятно, копьем), которое, по всей видимости, и послужило причиной смерти.

Скончался Илья Муромец около 1188 года, примерно на 45-м году жизни. Его мощи покоятся до сего времени в Антониевых пещерах Киево-Печерской лавры.

В документальном источнике имя богатыря впервые упоминается в 1574 году.

В XVIII веке паломник Леонтий оставил такое свидетельство: *«Видехом храброго воина Илию Муромца в нетлении под покровом златым; ростом – яко нынешние крупные люди; рука у него левая пробита копием, язва вся знать (видна), а правая изображена крестным знаменiem».*

В 1988 году межведомственная комиссия Минздрава СССР провела экспертизу мощей святого. Результаты исследований подтверждают факты жизни былинного богатыря: определен возраст почившего – 40–55 лет; рост – 177 см (в свое время он был

на голову выше человека среднего роста); выявлены такие дефекты позвоночника, которые позволяют говорить о перенесенном в юности параличе конечностей; установлена причина смерти – обширная рана в области сердца.

К лику святых Илия Муромец был причислен в 1643 году в числе 69 подвижников Киево-Печерской лавры.

На родине Ильи Муромца, в Спасо-Преображенском мужском монастыре города Муром, находятся и его святые мощи, точнее, их небольшая часть — кисть левой руки. Гробница со скульптурным образом русского богатыря установлена в отдельном помещении собора с низким потолком и округлыми сводами. К ней, как и к мощам святого Илии в пещерах Киево-Печерского монастыря «не зарастает народная тропа». Считается, что молитвенное поклонение святому Илье Муромцу помогает исцелять болезни позвоночника и параличи.

Святой преподобный Илия Муромский

Спасо-Преображенский мужской монастырь города Муром, саркофаг с нетленными мощами.

БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (1111–1174)

**Память 6 и 17 июля — в соборе Владимирских святых, а
23 октября — в соборе Волынских святых**

Особое место в сонме русских святых занимают благоверные князья. В праздновании их памяти прославляются не властные полномочия, которые они имели в земной жизни, не родовитое происхождение, а подвиг веры, который запечатлен в благочестии, милости и заботе об укреплении христианской веры. Одним из ярких примеров жертвенного княжеского служения был святой благоверный князь Андрей Боголюбский.

Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский – сын Юрия Владимировича Долгорукого и половецкой княжны (в святом крещении Марии) дочери хана Аепы (Осеневича) и внуки хана Осеня (Асиня), внук Владимира Мономаха. Память святого благоверного великого князя Андрея Боголюбского празднуется 4 июля (17 июля по новому стилю) в день преставления, 23 июня (6 июля по новому стилю) – в Соборе Владимирских и Волынских (23 октября) святых.

Святой благоверный князь Андрей Боголюбский (1110–1174) еще в юности был назван Боголюбским за постоянно присущее ему глубокое молитвенное внимание, прилежание к церковным службам и “утаенных молитв к Богу присвоение”. От деда, Владимира Мономаха, внук унаследовал великую духовную сосредоточенность, любовь к Слову Божию и привычку обращаться к Писанию во всех случаях жизни.

Храбрый воин (Андрей означает “мужественный”), участник многих походов своего воинственного отца, не раз в сражениях был он близок к смерти. Но каждый раз Промысл Божий незримо спасал князя-молитвенника. Так, 8 февраля 1150 года в битве под Луцком святой Андрей был спасен от копья немецкого наемника молитвой к великомученику Феодору Стратилату, чья память совершалась в тот день.

Вместе с тем летописцы подчеркивают миротворческий дар святого Андрея, редкий в князьях и полководцах того сурового времени. Сочетание воинской доблести с миролюбием и милосердием, великого смирения с неукротимой ревностью о Церкви было в высшей степени присуще князю Андрею. Рачительный хозяин земли, постоянный сотрудник в градостроительной и храмоздательной деятельности Юрия Долгорукого, он строит с отцом Москву (1147), Юрьев-Польский (1152), Дмитров (1154), украшает храмами Ростов, Суздаль, Владимир. В 1162 году святой Андрей с удовлетворением мог сказать: “Я Белую Русь городами и селами застроил и многолюдною сделал”.

Когда в 1154 году Юрий Долгорукий стал великим князем Киевским, он дал сыну в удел Вышгород под Киевом. Но Бог судил иначе. Однажды ночью, это было летом 1155 года, двинулась в Вышгородском храме чудотворная икона Божией Матери, писанная святым евангелистом Лукой, незадолго до того принесенная из Царьграда и названная впоследствии Владимирской. В ту же ночь с иконой в руках двинулся из Вышгорода на север, в Суздальскую землю, святой князь Андрей, тайно, без отчего благословения, повинувшись лишь воле Божией. Чудеса от святой иконы, бывшие на пути от Вышгорода до Владимира, были записаны духовником князя Андрея “попом Микулицей” (Николаем) в “Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери”.

В десяти верстах от Владимира кони, везшие икону в Ростов, вдруг остановились. Ночью князю Андрею явилась Богородица со свитком в руках и приказала: “Не хочу, да образ Мой несеши в Ростов, но во Владимире поставь его, а на сем месте во имя Моего Рождества церковь каменную воздвигни”. В память о чудесном событии святой Андрей повелел иконописцам написать икону Божией Матери такой, как Пречистая явилась ему, и установил празднование этой иконе 18 июня. Икона, названная Боголюбской, прославилась впоследствии многочисленными чудотворениями.

На указанном Царицей Небесной месте построен князем Андреем (в 1159 году) храм Рождества Богородицы и заложен город Боголюбов, ставший его постоянным местопребыванием и местом мученической кончины.

Когда умер отец, Юрий Долгорукий († 15 мая 1157), святой Андрей не пошел на отчий стол, в Киев, а остался на княжении во Владимире. В 1158–1160 годы был построен Успенский собор во Владимире, в который помещена Владимирская икона Божией

Матери. В 1164 году воздвигнуты Золотые Ворота во Владимире с надвратной церковью Положения Ризы Богоматери и церковь Спаса на Княжьем дворе.

Тридцать храмов было создано святым князем Андреем за годы его княжения. Лучший из них – Успенский собор. Богатство и благолепие храма служило распространению православия среди окружающих народов и иноземцев-купцов. Всех приезжих, и латинян, и язычников, святой Андрей приказывал водить в воздвигнутые им храмы и показывать им “истинное христианство”. Летописец пишет: “и болгаре, и жидове, и вся погань, видевше славу Божию и украшение церковное, крестились”.

Завоевание Великого Волжского пути стало для святого Андрея основной задачей его государственного служения России. Волжская Болгария со времен походов Святослава († 972) представляла серьезную опасность для Русского государства. Святой Андрей стал продолжателем дела Святослава.

Сокрушительный удар по врагу был нанесен в 1164 году, когда русские войска сожгли и разрушили несколько болгарских крепостей. Святой Андрей брал с собой в этот поход Владимирскую икону Божией Матери и двухстороннюю икону, на которой были изображены “Спас Нерукотворенный” на одной стороне и “Поклонение Кресту” – на другой. (В настоящее время обе иконы в Государственной Третьяковской галерее). Великое чудо было явлено русскому войску от святых икон в день решающей победы над болгарами, 1 августа 1164 года. После разгрома болгарского войска князья (Андрей, его брат Ярослав, сын Изяслав и др.) вернулись к “пешцам” (пехоте), стоявшим под княжескими стягами у Владимирской иконы, и поклонились иконе, “хвалы и песни воздающе ей”. И тогда все увидели ослепительные лучи света, исходившие от лика Богородицы и от Нерукотворного Спаса.

Оставаясь во всем верным сыном православной церкви, блюстителем веры и канонов, святой Андрей обратился в Царьград к патриарху с сыновней просьбой об учреждении особой митрополии для Северо-Восточной Руси. С соответствующей княжеской грамотой в Византию отправился избранный князем кандидат в митрополиты – Суздальский архимандрит Феодор. Патриарх Лука Хризоверг согласился посвятить Феодора, но не в митрополита, а лишь во епископа Владимирского. В то же время, стремясь сохранить расположение князя Андрея, наиболее могущественного среди владетелей Русской земли, он почтил епископа Феодора правом ношения белого клобука, что было в

древней Руси отличительным признаком церковной автономии – известно, как дорожили своим белым клобуком архиепископы Великого Новгорода. Очевидно, поэтому русские летописи сохранили за епископом Феодором прозвище “Белый Клобук”, а позднейшие историки называют его иногда “автокефальным епископом”.

В 1167 году умер в Киеве святой Ростислав, двоюродный брат Андрея, умевший вносить умиротворение в сложную политическую и церковную жизнь того времени, а из Царьграда был прислан новый митрополит, Константин II. Новый митрополит потребовал, чтобы епископ Феодор явился к нему для утверждения. Святой Андрей вновь обратился в Царьград за подтверждением самостоятельности Владимирской епархии и с просьбой об отдельной митрополии. Сохранилась ответная грамота патриарха Луки Хризверга, содержащая категорический отказ в устройении митрополии, требование принять изгнанного епископа Леона и подчиниться Киевскому митрополиту.

Исполняя долг церковного послушания, святой Андрей убедил епископа Феодора с покаянием поехать в Киев для восстановления канонических отношений с митрополитом. Покаяние епископа Феодора не было принято. Без соборного разбирательства митрополит Константин в соответствии с византийскими нравами осудил его на страшную казнь: Феодору отрезали язык, отрубили правую руку, выкололи глаза. После этого он был утоплен слугами митрополита (по другим сведениям, вскоре умер в темнице).

Не только церковные, но и политические дела Южной Руси потребовали к этому времени решительного вмешательства великого князя Владимирского. 8 марта 1169 года войска союзных князей во главе с сыном Андрея Мстиславом овладели Киевом. Город был разгромлен и сожжен, участвовавшие в походе половцы не пощадили и церковных сокровищ. Русские летописи рассматривали это событие как заслуженное возмездие: “се же здеся за грехи их (киевлян), паче же за митрополичью неправду”. В том же 1169 году князь двинул войска на непокорный Новгород, но они были отброшены чудом Новгородской иконы Божией Матери Знамения (празднуется 27 ноября), которую вынес на градскую стену святой архиепископ Иоанн († 1186, память 7 сентября). Но когда вразумленный великий князь преложил гнев на милость и миром привлек к себе новгородцев, благоволение Божие вернулось к нему: Новгород принял князя, назначенного святым князем Андреем.

Таким образом, к концу 1170 года Боголюбский сумел добиться объединения Русской земли под своей властью.

Зимой 1172 года он послал на Волжскую Болгарию большую рать под командованием сына Мстислава. Войска одержали победу, радость ее была омрачена смертью доблестного Мстислава († 28 марта 1172 года).

...В ночь на 30 июня 1174 года святой князь Андрей Боголюбский принял мученическую кончину от руки изменников в своем Боголюбском замке. “Тверская летопись” сообщает, что святой Андрей был убит по наущению его жены, участвовавшей в заговоре. Во главе заговора стояли ее братья, Кучковичи: “и свещаша убийство на ночь, якоже Иуда на Господа”. Толпа убийц, двадцать человек, пробралась к дворцу, перебила малочисленную охрану и вломилась в опочивальню безоружного князя. Меч святого Бориса, постоянно висевший над его постелью, был предательски похищен в ту ночь ключником Анбалом. Князь успел повергнуть на пол первого из нападавших, которого сообщники тут же по ошибке пронзили мечами. Но вскоре они поняли свою ошибку: “и посем познаша князя, и боряхуся с ним велми, бяше бо силен, и секоша и мечами и саблями, и копийные язвы даша ему”. Копьем был пробит сбоку лоб святого князя, все остальные удары трусливые убийцы наносили сзади. Когда князь наконец упал, они опрометью бросились вон из опочивальни, захватив убитого сообщника.

Но святой еще был жив. Последним усилием он спустился по дворцовой лестнице, надеясь позвать стражу. Но стенания его были услышаны убийцами, они повернули обратно. Князь сумел укрыться в нише под лестницей и разминуться с ними. Заговорщики вбежали в опочивальню и не нашли там князя. “Погибель нам предстоит, ибо князь жив”, – в ужасе вскричали убийцы. Но кругом было тихо, никто не пришел на помощь святому страдальцу. Тогда злодеи вновь осмелели, зажгли свечи и по кровавому следу пошли искать свою жертву. Молитва была на устах святого Андрея, когда его вновь обступили убийцы.

Русская Церковь помнит и чтит своих мучеников и созидателей. Андрею Боголюбскому принадлежит в ней особое место. Взяв в руки чудотворный образ Владимирской Божией Матери, святой князь как бы благословил им отныне и до века главные события русской истории. 1395 год – перенесение Владимирской иконы Божией Матери в Москву и избавление столицы от нашествия Тамерлана (празднуется 26 августа); 1480 год – спасение Руси от нашествия хана Ахмата и окончательное падение монгольского ига (празднуется 23 июня); 1521 год –

спасение Москвы от нашествия крымского хана Махмет-Гирея (празднуется 21 мая). Молитвами святого Андрея сбылись над Русскою Церковью его самые заветные чаяния. В 1300 году митрополит Максим перенес Всероссийскую митрополичью кафедру из Киева во Владимир, сделав Успенский собор, где покоились мощи святого Андрея, первопрестольным кафедральным храмом Русской Церкви, а Владимирскую чудотворную икону – ее главной святыней. Позже, когда общерусский церковный центр сместился в Москву, пред Владимирской иконой совершалось избрание митрополитов и патриархов Русской Церкви. В 1448 году пред нею совершилось поставление Собором русских епископов первого русского автокефального митрополита – святителя Ионы. 5 ноября 1917 года пред ней совершилось избрание святейшего патриарха Тихона – первого после восстановления патриаршества в Русской Церкви. В 1971 году, в праздник Владимирской иконы Божией Матери, состоялась интронизация святейшего патриарха Пимена.

Литургическая деятельность святого Андрея была многогранна и плодотворна. В 1162 году Господь послал благоверному князю великое утешение: в Ростове были обретены мощи угодников Ростовских – святителей Исайи и Леонтия. Общецерковное прославление ростовских святителей началось немного позже, но начало их народному почитанию положил князь Андрей. В 1164 году войска Боголюбского разгромили давнего врага, Волжскую Болгарию. Победы православного народа были ознаменованы расцветом литургического творчества в Русской Церкви. В тот год по почину святого Андрея Церковь установила празднование Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице 1 августа (почитаемый русским народом “медовый Спас”), – в память о Крещении Руси святым равноапостольным Владимиром и в память победы над болгарами в 1164 году. Учрежденный вскоре праздник Покрова Божией Матери 1 октября воплотил в литургических формах веру святого князя и всего православного народа в принятие Богородицей Святой Руси под Свой омофор. Покров Божией Матери стал одним из любимейших русских церковных праздников. Покров – русский национальный праздник, неизвестный ни латинскому Западу, ни греческому Востоку. Он является литургическим продолжением и творческим развитием богословских идей, заложенных в празднике Положения Ризы Богородицы 2 июля.

Первым храмом, посвященным новому празднику, был Покров на Нерли (1165), замечательный памятник русского церковного зодчества, воздвигнутый мастерами святого князя

Андрея в пойме реки Нерли так, чтобы князь всегда мог видеть его из окон своего Боголюбовского терема.

Святой Андрей принимал непосредственное участие в литературном труде владимирских церковных писателей. Он причастен к созданию службы Покрову (древнейший список – в пергаменной Псалтири XIV века. ГИМ, Син. 431), проложного сказания об установлении праздника Покрова (Великие Минеи Четьи. Октябрь. СПб, 1870, стлб. 4-5), “Слова на Покров” (там же, стлб. 6, 17). Им написано “Сказание о победе над болгарами и установлении праздника Спаса в 1164 году”, которое в некоторых старинных рукописях так и называется: “Слово о милости Божией великого князя Андрея Боголюбского” (издано дважды: Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. С предисловием В.О. Ключевского. М., 1878, с. 21-26; Забелин И.Е. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. – “Археологические известия и заметки”, 1895, № 2-3). Участие Боголюбского заметно и в составлении Владимирского летописного свода 1177 года, завершенного после смерти князя его духовником, попом Микулой, который включил в него особую “Повесть о убиении святого Андрея”. Ко времени Андрея относится и окончательная редакция “Сказания о Борисе и Глебе”, вошедшая в “Успенский сборник”. Князь был особенным почитателем святого мученика Бориса, главной домашней святыней его была шапка святого Бориса. Меч святого Бориса всегда висел над его постелью. Памятником молитвенного вдохновения святого князя Андрея является также “Молитва”, внесенная в летопись под 1096 годом, после “Поучения Владимира Мономаха”.

«Как благоверный и праведный за любовь Христа Бога от своих ты принял смерть, кровь свою пролив, как прежде родственники твои и страстотерпцы Борис и Глеб, вместе с их кровью вопиет и твоя кровь, святой, к Богу, как Авеля и Захарии праведных (Быт.4:10; Мф.23:35), благоверный страстотерпец, великий князь Андрей, с ними же Христа Бога моли о стране нашей, чтобы ей быть угодной Богу, и сынам российским спастись» / Тропарь, глас 8

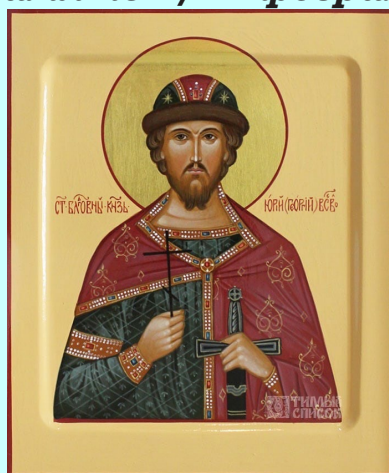
«Житию твоему во плоти удивились ангельские воинства: как ты, в тело облеченный, вступил в борьбу с невидимым врагом и поразил демонов полки, всехвальный. За то, Андрей, Христос тебе богатыми дарованиями воздал; потому, отче, ходатайствуй [перед Христом Богом] о спасении душ наших» / Ин тропарь, глас 3

«О, святой благоверный великий княже Боголюбский Андрее! Рабе Божий верный и Богославный, христианине истовый и Богоревнивый, муже добродетельный и Богомудрый, воине всечестный и воеводу доброхвальный, правителю державный и дерзновенный! Русь Святую на уделы и княжества разобищенную, Божиим хотением хотящий во единое Русское Царствие собрати и единодержавно Ею правити, да непреоборима пребудет от всех враг видимых и невидимых, возстающих на православныя христианы. Да не тщетны будут твои святии деяния во славу и честь Бога Христианскаго, идеже твое Богосветлое строение Богом любимаго Царства Православнаго на Русской Земле зрим и величаем, егда стольный град Владимир и Боголюбивую обитель Пресвятей Богородице воздвигнувый, идеже ты в ней посреди нощи неповинне злочестивыми и клятвопреступными своими слугами взятый и от рук их беззаконно и жесточайшими мечами убиенный, и честною кровию своею истекаемый, твердое основание Единодержавию Православной Руси тако положивый. И ныне мы, грешные рабы Божии (имена), в Богомощное небесное предстательство твое веруем, ибо мученическим венцем житие твое запечатлевшее, молим тя, да избавит нас Господь от крамолы слуг антихристовых и от кровавых жертвоприношений и жидовских обычаев, и да спасется Земля Русская от ига сатанинского, ибо имеем тя, великаго угодника Божия, неустрашимаго ратника Христова, егда на полях земной брани со многими врагами за Веру святую и Отечество сражавыйся, и столь дивную славу Божиих побед всей Русской Земле показующий. И ты, яко державный воеводу и святой мученик, и всегда дерзновенный о нас молитвенник, Боголюбивый и неустанный создателю Святой Руси, во святых мощах дивно прославленный, и в помощь и в заступление нам оставленный, возстани за нас противу иноплеменных, чужеземных и зловредных супостат, и противостани им со многими святыми князьями-воинами, и первее со святым равноапостольным великим князем Владимиром и святой равноапостольной великой княгиней Ольгой, и с великими благоверными князьями первомучениками-страстотерпцами Борисом и Глебом, и со святым воином преподобномучеником Игорем Черниговским, и святым благоверным великим князем Георгием Всеволодовичем Владимирским, вкупе же и с Богосветлыми сынами твоими князьями-мучениками Глебом Владимирским и храбрым Изяславом, да их помощь не позыблем пребудет Дом Пресвятыя Богородицы, всей Руси Державной Владычицы, и да прославится и

просияет тобою, княже Андрее, во вся веки Земля Русская и наполнится благочестивым христианским родом по благословению Богородицы, и Благодатию Ея многочислудотворных икон Владимирской и Боголюбской, и паки угобзится и укрепится слава Руси Православной, и просияет Невещественным и Животворным светом Бога Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь» / Молитва святому благоверному великому князю Андрею Боголюбскому.

**БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ)
ВСЕВОЛОДОВИЧ ВЛАДИМИРСКИЙ
(1188–1238)**

Память 4/17 февраля

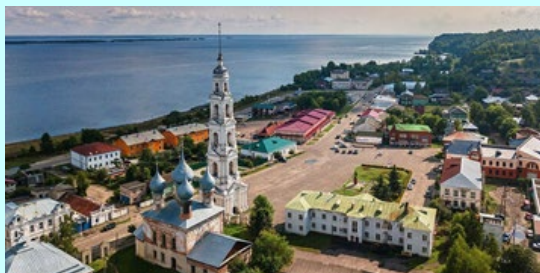
В XIII веке Русь была опалена огнём монгольского нашествия. Одним из первых принял мученический венец, разделив участь своего народа, князь Георгий Всеволодович.

На излучине Волги, напротив того места, где впадают в нее реки Нёмда и Унжа, стоит маленький старинный городок Юрьеvec. Он, основанный в 1225 году, всего на четыре года моложе своего старшего брата, огромного Нижнего Новгорода, но совсем почти неизвестен. Меж тем именно Юрьеvec сохранил в своем названии имя их общего основателя — благоверного великого князя Юрия (Георгия) Всеволодовича Владимирского, могущественного и славного правителя Древней Руси, волею судьбы оказавшегося на самом изломе российской истории: он был великим князем на момент Батыева нашествия, последним правителем золотого Древнерусского государства и погиб, защищая свою страну, которой отныне, казалось, не должно было более существовать. Но милостью Божией это оказалось не так; Русь выжила и сохранила память о своем последнем древнем

великом князе, а в середине XVII века причислила его к лику святых.

Кто же был он, этот, на первый взгляд, почти никому сегодня не известный князь Юрий Всеволодович, и что за государство мы были в те времена?

На Руси, пожалуй, вопрос «Кто он?» чаще заменяли вопросом «Чей он, чье чадо, внук?» Попробуем и мы начать с этого мудрого вопрошания.

Юрьевец, Ивановская область

Итак, будущий святой князь Юрий был сыном князя Всеволода Большое Гнездо и племянником святого князя Андрея Боголюбского, внуком Юрия Долгорукого (основателя Москвы) и правнуком князя Владимира Мономаха; довершим картину: Владимир Мономах — внук Ярослава Мудрого и правнук крестителя Руси, равноапостольного князя Владимира Красное Солнышко. Вот и окинули быстрым взором почти всю историю древнерусскую в ее известнейших лицах, историю великую и, получается, не такую уж незнакомую нам.

Он был великим князем на момент Батыева нашествия и последним правителем золотого Древнерусского государства

... Подходил к концу далекий 1188 год. Стояла осень; великий князь Всеволод Большое Гнездо, по всей видимости, с дружиной и семьей совершал полюдье — ежегодный сбор подати, и потому оказался в городе Суздале, где 26 ноября, в знаменитый осенний Юрьев день, родился у него сын, названный по святцам (и в память о тезоименитом в тот день деде) Георгием, или в другом русском произношении — Юрием. Рождение младенца в такой памятный для семьи день было воспринято как благословение Божие — до этого двое сыновей князя Всеволода и его супруги Марии умерли, и в живых остались только старшие дочери и один лишь сын, Константин.

Детство маленького Юрия было, по всей видимости, очень хорошим. У него появились в скором времени еще трое младших братьев, которые, слава Богу, выжили, а матушка их старалась уделять внимание всем детям; и Юрий, по свидетельству летописи, был очень ею любим. Вообще же великая княгиня Мария, носившая загадочное отчество Шварновна (ее отец был то

ли из племени яссов (древних осетин), то ли (менее вероятно) из чехов) была женщиной очень доброй, богобоязненной, нищелюбивой и «оказала колоссальное влияние на всех своих сыновей, которых воспитывала в христианской любви и милосердии»[1]; она основала женский Успенский Княгинин монастырь во Владимире, существующий и поныне, и сама в конце жизни приняла монашество, а перед самою кончиною была пострижена в схиму с именем Марфы. Характерно то, что, когда тяжело больная княгиня, чувствуя, очевидно, приближение смерти, отправилась для пострига в основанный ею Княгинин монастырь, ее сопровождали и супруг, и любимая дочь, уже замужняя Всеслава, которая «бе приехала ко отцу и матери своеи»[2], чтобы быть рядом в такой важный и скорбный момент, и семнадцатилетний сын Юрий. Так провожают в вечность только в очень любящих и хороших семьях.

Когда тяжело больная княгиня отправилась для пострига в Княгинин монастырь, ее сопровождали и супруг, и любимая дочь

Отец же Юрия, князь Всеволод Большое Гнездо, был тот самый князь, что, по свидетельству автора «Слова о полку Игореве», мог «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». Но его несомненная сила и могущество сочетались с благочестием, разумом и милосердием. Он был великим князем в прямом смысле слова, его власть реально признавали многие удельные «молодые братья», его знали и уважали далеко за пределами Руси. Как раз в те годы, когда родился Юрий Всеволодович, во Владимире сооружался знаменитый Дмитриевский собор, и по сей день поражающий зрителя своей удивительной красотой, возводились храмы в Дмитрове и Москве, перестраивался после пожара Успенский собор Владимира, сооружались укрепления в городах, строились монастыри. Однако и это грандиозное правление не было спокойным: усобицы продолжались. Князю Всеволоду пришлось обороняться от посягательства на свой, Владимирский, престол, а после кончины Киевского князя он включился в борьбу за киевский княжеский стол, которая растянулась надолго, до 1210 года, когда, наконец, произошло примирение.

А в конце правления Всеволода Большое Гнездо, увы, стали сплетаться и сложности, которые после его кончины выльются в войну уже не с дальними родственниками-князьями, а между его родными сыновьями. Старший, Константин, проявил отцу непослушание, и князь Всеволод оставил великое княжение второму сыну, Юрию. Но Константин не смирился с этим, и началась усобица; включились в нее и младшие братья, Ярослав, Святослав и Владимир. Самое жестокое сражение произошло в

1216 году на р. Липице; согласно источникам, только со стороны Владимирцев погибло более 9 тысяч человек. Князь Юрий потерпел поражение, бежал во Владимир и вскоре капитулировал. Великим князем стал Константин Всеволодович, а Юрий получил княжение в небольшом Городце-Радилове (нынешний Городец на Волге).

... Княжеские усьобицы — это так далеко и неправдоподобно. Даже само слово «усьобица» звучит немного как из сказки. А ведь на самом деле это война. Война брата с братом. Конечно, у каждой войны есть причины, и почти в каждом эпизоде бесконечных княжеских конфликтов у обеих сторон была своя, и не придуманная, объективная до какой-то степени, правда, которую они отстаивали. Так и здесь: Константин — старший, предсмертная воля отца шла вразрез со всеми правилами и обычаями, а Юрий поставлен так отцом, их общим отцом, которому старший брат проявил прямое непослушание незадолго до его смерти... Все так. Неоспоримо. Даже добавим сюда еще и неизвестные нам причины — из рода старых конфликтов, мнений... Но в результате получатся все равно тысячи смертей ни в чем не повинных людей, не во время войны с захватчиками, не ради спасения Отечества, а просто из-за споров о том, какой из братьев займет великокняжеский престол! И Русь обескровливается, разоряется, ожесточается невольно; а до Батыя уже считанные годы.

В этом ракурсе особенно удивительно выглядит то, что обо всем этом братьев заранее предупреждала любящая мать. Незадолго до кончины великая княгиня Мария Шварновна позвала к себе детей и долго и сердечно говорила с ними, увещевала, и с поразительной точностью предрекала им будущее:

«Сыновья мои! Имейте между собою любовь, поскольку вы все — единого отца и единой матери... и да будет Бог в вас и покорит противящихся [вам] под ноги и да будете жить в мире; [если же будете] в распрях и враждуя, то погибнете сами и землю отцов своих и дедов погубите, которую добыли [те] трудом своим великим»[3].

Сбылось...

Конечно, нельзя говорить, что все было однозначно плохо; тем более что через несколько лет мы видим, как Юрий, возвратившийся на великое княжение по смерти Константина, будет стараться, и порой успешно, предотвращать новые усьобицы; да даже и во время описанной борьбы между ним и Константином он пытался уменьшить напряженность, в частности, призвал к себе младшего брата Владимира со словами: «Аз убо тебе не снем

(не съем), ты мне еси брат мой», помирился с ним и отправил на юг, на княжение в Переяславль Русский. Но ведь все равно обеими сторонами разорялись и сжигались села, гибли люди от войны, а происходивший от природных причин голод усиливался, надо думать, еще и недостатком соли — главного способа сохранения многих продуктов — из-за разорения основного места добычи, Соли Великой. Некоторые источники (правда, многие из них довольно поздние, XVI века, и весьма насыщены фольклором, а не фактами) вообще склонны представлять князя Юрия и его основного союзника, брата Ярослава, в самых черных красках, но доверия они с исторической точки зрения мало заслуживают, тем более что порой имеют довольно прозрачную политическую подоплеку. Более того, что князя Юрия Церковь прославила в лике святых, а князь Ярослав Всеволодович был отцом величайшего человека Русской истории — благоверного князя Александра Невского; а у безнадежно плохих родителей редко рождаются святые дети.

Многие верили, что страшные неведомые кочевники ушли навсегда, что это было не Божие предупреждение, а только страшный сон

Хотя, конечно, были и у князя Юрия свои сложности; в чем-то и он не смог преодолеть обстоятельства, и не распознал страшного предсказания в битве на р. Калке, когда налетели неизвестно откуда степные полки, яростно и жестоко расправились с русичами и пропали в никуда, не увидел предвестья будущей смерти Древнерусской державы. Может быть, он где-то был податлив на влияние, не всегда умел принимать решения в неожиданных ситуациях, но он старался, особенно после поражения на Липице, решать все миром. Во второе великое княжение, которое близкий к смерти князь Константин сам завещал ему вместе с опекой сыновей своих, Василька и Всеволода, Юрия Всеволодовича уважали, младшие князья признавали его власть, но единой державы все равно не было. И после Калки, на которую посланный князем Юрием отряд просто не поспел, все осталось по-прежнему: продолжались попытки подчинить вольнолюбивый Новгород Великий, воевали с мордвой, даже, увы, возымел обиду князь Ярослав на брата Юрия... Конечно, в то же время строились и украшались храмы, играли свадьбы... И многие верили, как всегда хочется людям верить, что страшные неведомые кочевники ушли навсегда, что это было не Божие предупреждение — опомнитесь, помиритесь все, объединитесь! — а только страшный сон. В суете обычной жизни многое казалось не очень важным, привычным, простительным;

многие князья, которых мы сегодня почитаем как благоверных, в том числе и князь Михаил Черниговский, и сам князь Юрий, неоднозначно вели себя. Но внезапно пришла Вечность.

Шел год 6746 (1237/1238). Была зима. Реки сковало льдом, и по ним можно было легко и быстро перемещаться. Но на этот раз это обыкновенно приятное обстоятельство оказалось роковым, открыв захватчикам пути почти ко всем городам Руси. И вот за считанные недели с лица земли исчезает прекрасное, величественное, могучее Древнерусское государство с его высокими теремами, чудесными искусствами, богатой литературой, замечательными людьми. Исчезает навсегда, мы теперь только отчасти можем представить себе тех русичей и ту страну, в которой они жили. Можем только отчасти представить и то, страшное, кровавое, изощренно жестокое, называемое татаро-монгольским нашествием, в чем они погибли.

Великий князь Георгий Всеволодович объезжает на ладьях вновь завоеванные земли в устье реки Оки. Художник Г. Мальцев

Первой на пути монгол была Рязань; после пятидневной осады она была взята, полностью сожжена и уничтожена, жители поруганы и зверски убиты. Это был конец жизни города, на прежнем месте его уже не будет, то, что мы сегодня зовем Рязанью, — город Переяславль-Рязанский, в 60-ти километрах выше по течению реки Оки. И такое бесчинство не было случайностью, так монголы воевали всегда, и точно так же один за другим гибли в огне, слезах и крови прочие русские города: Коломна, Москва, Владимир... Великий князь Юрий, которого рязанцы успели попросить о помощи, увы, сильно замедлил и послал ее тогда, когда города уже не существовало. Этот отряд, соединившись с войском князя Романа Ингваревича, одного из

рязанских князей, очевидно, посланного князем Юрием Рязанским на встречу ожидаемой и не поспевшей подмоге, отошел к Коломне и встретил монголов там. Сражение было едва ли самым крупным из всех, что были до сих пор с татарами, но исход его был страшен. Коломна пала, и лишь некоторой части русского войска удалось отступить к Москве.

В Москве в то время был младший сын великого князя, Владимир Юрьевич. Но и Москва продержалась в осаде лишь пять дней, после чего враги ворвались в город, сожгли храмы, монастыри, дома, людей... Князя Владимира взяли в плен; но это только отсрочило ненадолго его гибель, он нужен был татарам, поскольку впереди был город его отца, Юрия Всеволодовича.

Путь до Владимира был недолгий и торный; но великого князя захватчики там не застали, он, слезно простившись с семьей и близкими, оставил их в надежных, как ему казалось, Владимирских стенах и, поручив город сыновьям Всеволоду и Мстиславу и воеводе Петру, с небольшой дружиной поспешил к северным окраинам княжества, надеясь соединиться с племянниками, князьями Василько Ростовским, Всеволодом Ярославским и Владимиром Угличским, и за Волгой, у реки Сить, притока Мологи, дожидаться братьев, Ярослава и Святослава Всеволодовичей. Племянники действительно присоединились к князю Юрию, и вместе они дошли до Сити. Спустя какое-то время к ним подошел и князь Святослав; князя Ярослава так и не дождались.

Взятие Владимира монголами. Миниатюра из русской летописи

А монголы подошли к Владимиру. Он действительно был довольно хорошо укреплен, но завоевателей, покоривших до того Китай и владевших его техниками осады и ведения боя, это остановило ненадолго. Подойдя ближе к городу, они показали

осажденным еще живого, но страшно изможденного князя Владимира; братья, Всеволод и Мстислав Юрьевичи, и горожане, увидев его, заплакали. Но биться решили насмерть.

Несколько дней длилась осада, и враги успели захватить и уничтожить несколько близлежащих городов. Настала очередь и града Владимира; его взяли приступом. Многие жители, в том числе и великокняжеская семья – жена князя Юрия великая княгиня Агафья, ее дочь, жены молодых князей с маленькими детьми – укрылись в Успенском соборе, и многие из них приняли постриг от Владимирского владыки Митрофана. Но ворвавшиеся в город монголы подожгли собор, и тех, кто не погиб в дыму, добили мечами... Стольный град Владимир был razoren. Но оставался еще сам правитель страны, Юрий Всеволодович; на него началась охота.

Великий князь тем временем пытался собрать еще какие-то силы для отпора врагу, надеялся, не зная, что семьи его и города больше нет. Страшная весть достигла его лишь почти через месяц, в конце февраля; трудно представить, что пережил он, великий князь и любящий супруг и отец, в этот момент. Но эта мука была недолгой: через несколько дней погиб и он сам. Мы даже не до конца знаем, как он был убит. По одним свидетельствам, ему отсек голову вражеский воин во время страшной битвы на р. Сити, по другим — он был взят после сражения в плен и там обезглавлен... Тело его нашел епископ Ростовский Кирилл и предал погребению. Спустя какое-то время была обретена и глава его и положена во гроб. И тогда совершилось чудо: голова приросла к телу так, что и след отсечения не был замечен (и, надо сказать, это подтверждается свидетельством эпохи, отнюдь не склонной к созданию чудес: при вскрытии мощей благоверного князя Юрия в 1919 году обнаружено было, что глава действительно соединена с телом, но несомненно была и отсечена, и даже шейные позвонки срослись неправильно.

Епископ Кирилл находит обезглавленное тело великого князя Юрия на поле сражения на реке Сить, Василий Верещагин, 1896

Буквально на его глазах погибло все, что было в жизни дорого и свято, и погибло страшной смертью

«Георгий, — мужеству тезоименный, — кровью омылись страдания твои!»[5] – восклицает летописец. Сколько было сил, любви вложено им в землю Русскую, и какой конец пришлось претерпеть! А если и было что неправильное, спорное в жизни, оно искуплено великими страданиями. Буквально на глазах его погибло все, что было в жизни дорого и свято, и погибло страшной смертью.

Но не до конца. Молитвами, слезами, кровью русских людей, а в их числе и великого князя Юрия, Русь выжила. Она еще будет славной и счастливой, страшной для врагов и милосердной к слабым, доброй и прекрасной. Оживут Суздаль, Владимир, возвысится Москва, будет восхищать многие поколения выстроенный князем Юрием собор в Юрьеве-Польском, станет большим и значимым основанный им Нижний Новгород... И маленький Юрьевец, город, основателю соименный, тоже останется жить. И будут в нем чудный святой, блаженный Симон, и даст городок отпор злему отряду Лисовского в Смуту, и вдохновит Саврасова, Левитана, Кустодиева на прекрасные картины... И даже наполовину залитый в советские годы Горьковским водохранилищем, не сдастся. Он жив и теперь и являет миру дивное прошлое наше; тихий, уездный, немного запущенный, он слишком многое видел и помнит, чтобы отчаиваться. О нем не очень знают, как и о его славном основателе; а Юрьевец, поверьте, многим может одарить каждого; как и последний владыка Древней Руси, Руси порушенной, но не

исчезнувшей и ожившей, благоверный великий князь Юрий Всеволодович Владимирский.

Рака с мощами св. блгв. князя Георгия Всеволодовича в Успенском соборе города Владимира. Фото В. Алексеева. 2009 г. / ruvera.ru

БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ ВАСИЛЬКО РОСТОВСКИЙ (1209–1238)

Память 4/17 марта

Род князя Василия (Василько́) Ростовского восходил к самому Владимиру Мономаху. Юный князь гордился, что его прадедом был Юрий Долгорукий, дедом – великий князь Всеволод III Большое Гнездо, двоюродным дедом – святой благоверный князь Андрей Боголюбский.

Князь Василько родился 7 декабря 1208 года в Ростове, которым управлял его отец, князь Константин. В 1216 году князь

Константин Всеволодович, став великим князем Владимирским, призвал к себе восьмилетнего сына Василька и сказал ему:

– По долгу княжеской чести ты, мой сын, тоже начинаешь общественное служение. Несмотря на твое малолетство, выделяю тебе удел для самостоятельного княжения – славный русский город Ростов.

В 1218 году великий князь Константин отошел ко Господу, и наставником князя Василька, молодого правителя Ростовской земли, стал Юрий, великий князь Владимирский, его дядя. Он учил юного князя:

– Будь доблестным и смелым воином, поступай всегда и везде по справедливости, оказывай послушание старшим по возрасту и положению. Главное твое дело – быть защитником Русской земли.

Главное твое дело – быть защитником Русской земли

Двадцать лет, до своей смерти в 1238 году, князь Юрий был наставником и другом своему племяннику. Князь Юрий Владимирский радовался, видя, как мужает его воспитанник. Он любовался красотой Василька, радовался его отваге и уму, наставлял в книжной мудрости, учил кротко и добродушно общаться и с боярами, и с простым людом. В летописи сохранились такие строки о молодом князе: «Ибо кто служил ему, кто ел хлеб его и пил с ним чашу, тот уже не мог быть слугою иного князя».

В десятилетнем возрасте юный князь Василько уже участвовал в походе владимирских и суздальских князей на Волжскую Булгарию. Тринадцатилетним он вместе с князем Юрием ходил в поход против врагов к устью реки Оки. В 1221 году именно здесь князь Юрий заложил Нижний Новгород. При основании этого города князь Юрий сказал племяннику:

– Во славу Божию заложим здесь город. Да будет он сильным и богатым, богатым прежде всего верой православной. Да поможет он в защите Русской земли от врагов, нападающих на Русь с юга.

Вскоре на Русь пришла новая беда: в 1223 году из Азии пришли татары, от которых первыми пострадали половцы. Многие половецкие правители к этому времени стали православными. Князья Русской земли решили объединиться с половецкими ханами и выступить в южные степи, чтобы не допустить врага до русской границы.

Великий князь Юрий начал формировать большую дружину. Своему пятнадцатилетнему племяннику Васильку он сказал:

– Несмотря на молодость, ты, Василько, уже опытный воин. Поэтому доверяю тебе возглавить вспомогательный отряд в дружине. Да поможет тебе Господь Бог!

И юный князь во главе своей дружины отправился на юг, но принять участие в главной битве не успел. Около города Чернигова к князю Васильку прискакал гонец с горестной вестью:

– Княже, потерпели мы поражение. Силен и многолюден оказался враг. На реке Калка русское войско перестало существовать.

Лицо князя Василька почернело, из глаз полились слезы, но он превозмог себя и спросил:

– Когда это произошло?

Гонец, весь в пыли, на загнанной лошади, тихо произнес:

– Шестнадцатого июня.

Князю Васильку ничего не оставалось, как повернуть свою дружину обратно. Он вернулся в Ростов. Этот год, 1223-й, уже предвещал мощное монголо-татарское нашествие на Русь.

Ростовъ. Панорама кремля съ юга, отъ озера Неро.

Ростов в древности

В 20 лет князь Василько взял в жены дочь князя Михаила Черниговского Марию, и в 1231 году у супругов родился старший сын Борис.

Все силы князь Василько Константинович направлял на укрепление своего княжества и дружины. Много бед пережила тогда Русская земля: летом 1230 года случился на Руси голод, умерло много людей. С востока двигались на Русь татары, которые уже завоевали столицу Волжской Булгарии.

Наконец, наступил страшный для Руси 1237 год. Князь Василько получил известие, что в декабре 1237 года Батый захватил и полностью разорил Рязань. Батый приближался к Владимирской земле и прислал князьям Юрию и Васильку своих послов. Посланцы хана Батыя заявили, что хан предлагает заключить мир с русскими князьями, не будет разорять

Владимирскую землю, но взамен требует полную зависимость от него и выплату ему дани.

Князь Юрий, посоветовавшись с князем Василько, произнес:
– Славная брань лучше постыдного мира.

И владимирские дружины вступили в первый бой с монголо-татарами у Коломны. Во главе русской дружины встал сын князя Юрия Всеволод. Однако многочисленный враг одержал победу. Враги взяли и сожгли Москву. Второй сын князя Юрия Владимир, оборонявший Москву, попал в плен.

Несмотря на эти неудачи, князья Юрий и Василько решили мужественно сражаться до конца за православную веру. Князь Юрий вместе со своими племянниками Василько Ростовским и его братьями Всеволодом и Владимиром Константиновичами отправился за Волгу, чтобы собрать новые дружины вместо потерянных в бою с Батыем. А оборонять город Владимир князь Юрий оставил своих сыновей Всеволода и Мстислава и послал за своими братьями Ярославом и Святославом с их дружинами.

Несмотря на неудачи, князья Юрий и Василько решили мужественно сражаться до конца за православную веру

Третьего февраля 1238 года монголо-татары подошли к городу Владимиру. Врагов было так много, что с крепостных стен города не было видно ни одного промежутка на полях, все пространство было заполнено супостатами. Видя такое положение, епископ Митрофан собрал в Успенском соборе всех князей и княгинь, которые были на тот момент в городе, и сказал им:

– Вы видите, что враг силен и многочислен, поэтому нам нужно подготовиться к встрече с Господом. Да войдете вы все в Царствие Небесное в ангельском образе, да будете вечно пребывать в райских обителях.

Князья и княгини приняли монашеский постриг. Когда 7 февраля монголо-татары овладели городом, все оставшиеся в живых владимирцы закрылись в Успенском соборе. Монголо-татары обложили собор хворостом и подожгли. Тысячи людей, среди которых были епископ Митрофан, семья князя Юрия (супруга Агафия, дочь, две невестки и внук-младенец) были сожжены. Сыновья князя Юрия Всеволод, Мстислав и находившийся в плену у монголо-татар Владимир после истязаний были убиты.

Святой благоверный князь Георгий Владимирский

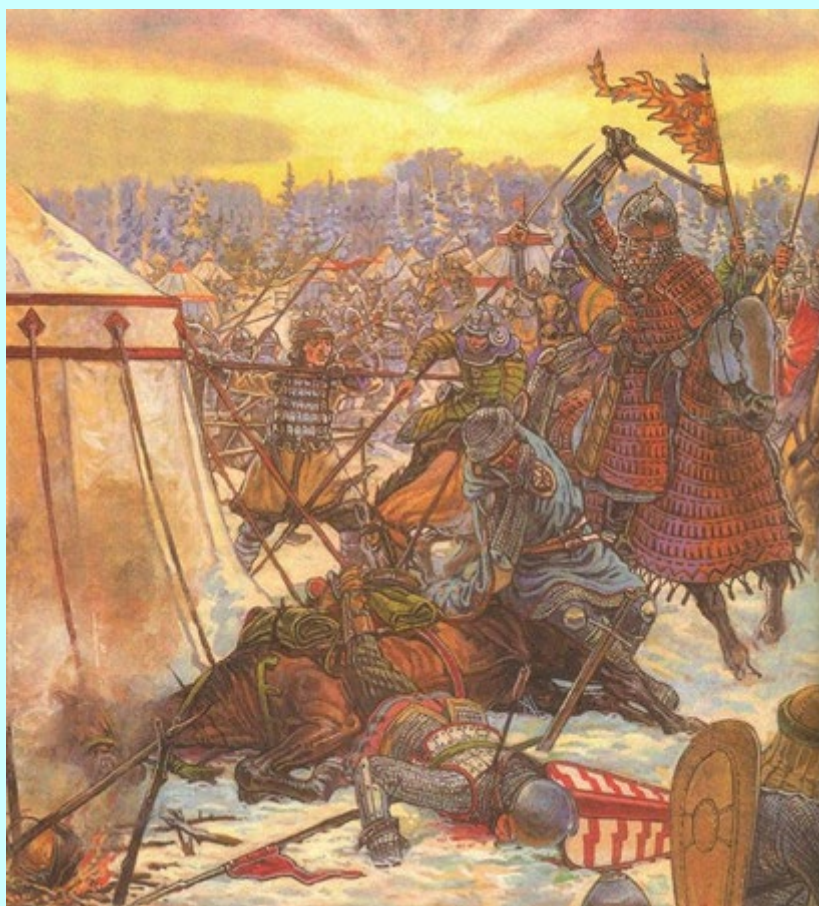
Князь Юрий, который в это время с собранной дружиной находился под городом Ярославлем, узнал о сожжении города

Владимира и о гибели родных. Он горько плакал «по правоверной вере христианской и Церкви», говорил со слезами:

– Лучше бы мне умереть, нежели жить на свете. Чего ради остался я один?

В это время к князю Юрию подошел с дружиной из Ростова князь Василько. Он, как мог, утешал князя Юрия в его горе.

Русская дружина начала подготовку к главной битве, которая состоялась 4 марта 1238 года на реке Сить. Силы были неравными. Монголо-татары во много раз превосходили объединенные русские дружины. Несмотря на проигрыш в количестве, русские воины сражались бесстрашно. Но врагу удалось окружить русское войско. Понимая, что это их последняя битва, русские воины продолжали храбро защищать родную землю. Из этого страшного боя в живых остались единицы русских воинов, однако и враги потеряли тысячи убитыми. Князь Юрий, сражавшийся в первых рядах, был жестоко изрублен и погиб в битве.

Битва на реке Сить

Также храбро сражался и князь Василько Ростовский. Уже не одно ранение получил он в этой битве, но его рука продолжала направо и налево разить захватчиков. Уже совершенно обессилевшего, истекавшего кровью, его окружили и, выбив меч, привели в шатер к хану Батю.

Батый с уважением смотрел на мужественного и отважного русского князя. Наконец, он произнес:

– Я сохраню тебе жизнь, смелый княже, но ты будешь служить только мне.

Князь Василько решительно ответил:

– Никак не отведете меня от христианской веры.

Услышав этот ответ, Батый приказал мучить израненного князя до смерти.

Так отошел ко Господу святой благоверный князь Василий (Василько) Ростовский. Ему было 28 лет.

После сражения на поле битвы пришел святитель Кирилл, епископ Ростовский. Он начал отпевать и предавать земле отдавших жизнь за Родину и веру русских воинов. Сын священника нашел израненное и исколотое тело князя Василька в Шернском лесу и привез его в Ростов. Сразу собрались все горожане, плакали жена князя и его дети.

После того как епископ Ростовский Кирилл отпел князя, его погребли в соборной церкви. В летописи дано описание похорон князя Василька Ростовского: «Рыдало народа множество православного, зряще отходящим отца и кормителя сирым, печальным утешение велико, омраченным – звезду светоносную зашедшую. На весь бо церковный чин отверз ему Бог очи сердечные, и всем людям церковным, и нищим, и печальным яко возлюбленный был отец».

Русская Православная Церковь чтит память святого благоверного князя Василия (Василько) Ростовского как героического защитника Русской земли.

БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ (1220–1263)

**Память 23 мая / июня в сонме Ростовских святых,
30 августа / 12 сентября перенесение мощей,
23 ноября / 6 декабря**

Имя Александр, что означает «защитник людей», носили великие полководцы Македонский, Суворов и витязь Невский. Князь Александр стал спасителем Отечества в годину смертельной опасности. Победителю шведов и немцев на поле брани предстояло найти выход из безвыходного положения, в котором оказалась Русь. Одно неверное действие грозило гибелью стране. Князь Александр выбрал тяжкий, но единственно правильный путь.

Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский – (в иночестве Алексей; 13.05.1221-23.11/06.12.1263), великий князь Новгородский (1228-1229. 1236-1240. 1241-1252. 1257-1259), великий князь Киевский (1249-1263), великий князь Владимирский (1252-1263), 2-й сын Переяславского князя (с 1238 великого князя Владимирского) Ярослава Всеволодовича.

Память святого благоверного великого князя Александра Невского празднуется 23 ноября (6 декабря по новому стилю) в день преставления, 30 августа (12 сентября по новому стилю) в день перенесения мощей, а также 21 мая (3 июня по новому стилю) – в Соборе Карельских святых, 21 мая (3 июня по новому стилю) – в Соборе Ростово-Ярославских святых, 23 июня (6 июля по новому стилю) – в Соборе Владимирских святых, 16 июня (29 июня по новому стилю) – в Соборе Новгородских и Санкт-Петербургских святых, 1 сентября (14 сентября по новому стилю)

(переходящая) – в Соборе Нижегородских святых, 22 сентября (5 октября по новому стилю) – в Соборе Тульских святых, 18 ноября (1 декабря по новому стилю) – в Соборе святых Эстонской земли.

Святой благоверный великий князь Александр Невский родился 13 мая 1221 года в городе Переяславле-Залесском. Отец его, Ярослав, в Крещении Феодор, был младшим сыном Всеволода III Большое Гнездо. Мать св. Александра, Феодосия Мстиславна, была дочерью Мстислава Удалого (Удатного). В 1227 году князь Ярослав по просьбе новгородцев стал княжить в Новгороде Великом. Он взял с собой сыновей, Феодора и Александра.

Начиналось самое трудное время в истории Руси: с востока шли монгольские орды, с запада надвигались рыцарские полчища. В этот грозный час Промысл Божий воздвиг на спасение Руси святого князя Александра – великого воина-молитвенника, подвижника и строителя земли Русской.

Воспользовавшись нашествием Батыя, полчища крестоносцев вторглись в пределы Отечества. Первыми были шведы. Множество кораблей подошло к Неве под командованием ярла Биргера. Святой Александр, ему не было тогда еще 20 лет, долго молился в храме Святой Софии. Архиепископ Спиридон благословил святого князя и воинство его на брань. Выйдя из храма, Александр укрепил дружину исполненными веры словами: “Не в силе Бог, а в правде. Иные – с оружием, иные – на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем!” С небольшой дружиной князь поспешил на врагов. Но было чудное предзнаменование: стоявший в морском дозоре воин видел на рассвете 15 июля ладью, плывущую по морю, и на ней святых мучеников Бориса и Глеба в одеждах багряных. Александр, ободренный, мужественно повел с молитвой войско на шведов. “И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество, и самому предводителю возложил печать на лицо острым копьем». За эту победу на реке Неве, одержанную 15 июля 1240 года, народ назвал святого Александра Невским.

Опасным врагом оставались немецкие рыцари. В 1241 году молниеносным походом святой Александр вернул древнюю русскую крепость Копорье, изгнав рыцарей. В 1242 году зимой он освободил Псков, а 5 апреля дал Тевтонскому ордену решительное сражение на льду Чудского озера. Крестоносцы были полностью разгромлены. Имя святого Александра прославилось по всей Святой Руси.

Западные пределы Русской земли были надежно ограждены, настало время обезопасить Русь с востока. В 1242 году святой Александр Невский со своим отцом Ярославом выехал в Орду.

Священную миссию защитников Русской земли Господь увенчал успехом, но на это потребовались годы трудов и жертв. Князь Ярослав отдал за это жизнь. Завещанный отцом союз с Золотой Ордой – необходимый тогда для предотвращения нового разгрома Руси – продолжал крепить святой Александр Невский. Обещав свою поддержку, святой Александр дал возможность Батюю выступить в поход против Монголии, стать главной силой во всей Великой Степи. В 1252 году многие русские города восстали против татарского ига. Снова возникла угроза самому существованию Руси. Святому Александру опять пришлось ехать в Орду, чтобы отвести от русских земель карательное нашествие татар. Святой Александр стал единовластным великим князем всей Руси. В 1253 году он отразил новый набег на Псков, в 1254 году заключил договор о мирных границах с Норвегией, в 1256 году ходил в поход в финскую землю. В тьму язычества святой Александр нес свет евангельской проповеди и православной культуры. Все Поморье было просвещено и освоено русскими.

В 1256 году умер хан Батый. Святой князь в третий раз поехал в Сарай, чтобы подтвердить мирные отношения Руси и Орды с новым ханом Берке. В 1261 году стараниями святого Александра и митрополита Кирилла была учреждена в Сарае, столице Золотой Орды, епархия Русской Православной Церкви.

Наступила эпоха великой христианизации языческого Востока, в этом было пророчески угаданное святым Александром Невским историческое призвание Руси. В 1262 году по его указанию во многих городах были перебиты татарские сборщики дани и вербовщики воинов – баскаки. Ждали татарской мести. Но великий заступник народа вновь поехал в Орду и мудро направил события совсем в иное русло: ссылаясь на восстание русских, хан Берке прекратил посылать дань в Монголию и провозгласил Золотую Орду самостоятельным государством, сделав ее тем самым заслоном Руси с востока. В этом великом соединении русских и татарских земель и народов созревало и крепло будущее многонациональное Российское государство, включившее впоследствии в пределы Русской Церкви почти все наследие Чингисхана до берегов Тихого океана.

Эта дипломатическая поездка святого Александра Невского в Сарай была четвертой и последней. На обратном пути, не доезжая до Владимира, в Городце, в Богородице-Феодоровском Городецком мужском монастыре князь-подвижник предал свой дух Господу 23 ноября 1263 года, завершив многотрудный жизненный путь принятием святой иноческой схимы с именем Алексий.

Святое тело его понесли к Владимиру, девять дней длился путь, и тело оставалось нетленным. При погребении его в соборной церкви Богородице-Рождественского монастыря города Владимира (ныне там установлен памятник святому князю; еще один памятник установлен в городе Переяславле-Залесском) было явлено Богом “чудо дивно и памяти достойно”: святой сам протянул руку за разрешительной молитвой. Почитание благоверного князя началось сразу же по его погребении.

Великий князь Иоанн Иоаннович (1326–1359) в своем духовном завещании, писанном в 1356 году, оставил своему сыну Димитрию (1350–1389), будущему победителю Куликовской битвы, “икону Святой Александр”.

Нетленные мощи благоверного князя были открыты, по видению [Через 117 лет после кончины Святого Александра Невского в субботу, 8 сентября 1380 года, в ту самую ночь, когда Димитрий Донской со своей ратью стоял станом на Куликовом поле перед решительной сечей с Мамаевой ордой, — пономарю Владимирской церкви Рождества Пресвятой Богородицы было видение. Свечи возгорелись сами собою, два старца, выйдя из алтаря, подошли к гробу Св. Александра и сказали: «О, господине Александре, восстани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Димитрию, одолеваему сушу от иноплеменников». Святой Александр восстал из гроба и стал невидим].

После Куликовской битвы, в 1381 году, состоялось первое открытие и освидетельствование мощей святого князя. «После 117-летнего пребывания в земле» святые мощи были обретенны нетленными. Митрополит Московский Киприан (Цамблак) повелел называть Александра Невского «блаженным». Святому было учинено монастырское церковное празднование, написаны канон и первые иконы.

В 1491 году, во время Владимирского пожара, сгорела церковь Рождества Пресвятой Богородицы, но мощи Святого Александра, в это время уже местно прославленные и перенесённые из гробницы в открытую раку, у которой совершались многие чудеса, сохранились невредимыми и даже пелена, бывшая внутри раки, осталась нетронутой.

Общecerковное прославление святого Александра Невского совершилось при митрополите Макарии на Московском соборе 1547 года.

К молитвам святого князя, прославившегося обороной Отечества, русские полководцы прибегали и во все последующие времена. 30 августа 1721 года Петр I, после продолжительной и изнурительной войны со шведами, заключил Ништадский мир.

Этот день решено было освятить перенесением мощей благоверного князя Александра Невского из Владимира в новую, северную столицу, Петербург, расположившуюся на берегах Невы. Вывезенные из Владимира 11 августа 1723 года, святые мощи были привезены в Шлиссельбург 20 сентября того же года и оставались там до 1724 года, когда 30 августа были установлены в Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Указом от 2 сентября 1724 года было установлено празднество на 30 августа (в 1727 году празднество было отменено по причине не церковного характера, а вследствие борьбы группировок при царском дворе. В 1730 году празднество снова было восстановлено). 15 июля 1922 года святые мощи святого Александра Невского были изъяты из Троицкого собора Александро-Невской Лавры и возвращены в собор лишь 3 июня 1989 года.

8 сентября 2023 года внешний серебряный саркофаг и внутренний деревянный ковчег драгоценной раки, в которой находились мощи святого Александра с 1790 по 1922 год, были возвращены монастырю Эрмитажем и помещены в верхнем храме Благовещенской церкви лавры, посвященном святому князю Александру Невскому.

Архимандрит Гавриил Бужинский (впоследствии епископ Рязанский, † 27 апреля 1731 года) составил специальную службу на воспоминание Ништадского мира, соединив ее со службой святому Александру Невскому.

Имя защитника рубежей России и покровителя воинов известно далеко за пределами нашей Родины. Свидетельство тому – многочисленные храмы, посвященные святому Александру Невскому. Наиболее известные из них: Патриарший собор в Софии, кафедральный собор в Таллине, храм в Тбилиси. Эти храмы – залог дружбы русского народа-освободителя с братскими народами.

БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИОАННОВИЧ
ДОНСКОЙ
(1350–1389)

***Память 19 мая / 1 июня (общее празднование с
княгиней Евфросинией), в Соборе Тульских святых
22 сентября / 5 октября***

Святой благоверный великий князь Дмитрий Донской – сын великого князя Ивана Ивановича, родился в 1350 году. Великим князем стал в двенадцатилетнем возрасте – в 1362 году. К лику святых Русской Православной Церкви был причислен в 1988 году. Память святого благоверного великого князя Дмитрия Донского празднуется 19 мая (1 июня по новому стилю) в день преставления (1389), 19 июля в Соборе Радонежских святых, 26 августа (1 сентября по новому стилю, переходящая) – в Соборе Московских святых; 22 сентября (5 октября по новому стилю) – в Соборе Тульских святых; 5 февраля – в Соборе Костромских святых.

О детстве будущего великого князя сына Иоанна Красного и великой княгини Александры известно совсем немного. «Воспитан же был он в благочестии и славе, с наставлениями душеполезными, – говорится в «Слове о житии» Дмитрия Иоанновича, – и с младенческих лет возлюбил Бога. Еще юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вел, непристойных слов не любил и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал».

Детство святого Дмитрия прошло под непосредственным влиянием святого митрополита Алексия, бывшего другом и советником отцу Дмитрия, Иоанну Иоанновичу.

1359 год. Великий князь Иоанн Иоаннович, кроткий брат Симеона Гордого, после шести лет княжения преставился в схиме

на 33-м году от рождения. Остались сыновья: 10-летний Димитрий, младший Иоанн, шестилетний племянник Владимир (в будущем – герой Куликовской битвы, заслуживший наименование Храброго). Поначалу роль святителя в государственной деятельности сводилась к духовной поддержке первого среди русских князей, но после смерти Иоанна Иоанновича митрополит становится фактически главой русских княжеств. На него, возглавившего Боярскую думу, ложится ответственность за весь ход политических дел на Руси. Девятилетнему Димитрию он на долгое время заменяет отца, до самой смерти в 1378 году. Святитель – один из ближайших людей в великокняжеском доме. Его воспитательное воздействие развило собственные высокие качества Димитрия; этот облик юного князя и был увековечен древним описателем его жития. С самого начала жизни великий князь был приобщен к среде русского подвижничества, пребывал в атмосфере, которую создавал вокруг себя преподобный Сергий.

С ранних лет великий князь должен был учиться терпению и мужеству, преодолевать себя, глядеть в лицо смертельной опасности, действовать в обстановке совершенно неведомой.

После кончины его отца Иоанна Иоанновича в 1359 году великокняжеский титул отходит от Москвы: малолетнему князю Московскому Орда предпочла Суздальского Димитрия Константиновича, мужа зрелого.

В Орде также тогда царили междоусобия, и среди этих смут злосчастные русские князья жили в Орде, добиваясь великокняжеского престола. В 1359 (или 1361, по другим предположениям) году малолетний Димитрий вынужден был предпринять путешествие в Орду, это было связано с двумя совпавшими событиями – кончиной русского великого князя и очередной переменой на ханском престоле. Поездка отрока Димитрия в Орду – все это сознавали – по-прежнему сопровождалась смертельной опасностью. Но она была и крайне полезной ему, будущему главе государства, видимо, об этом думал святитель Алексей, благословивший Димитрия на нее. Он должен был собственными глазами увидеть положение дел: соприкоснуться с врагом, уже более века мучившим родную землю, с которым надо было уметь говорить, а также, проплыв по трем русским рекам, обозреть Русскую землю, которой ему надлежало править. Но в 1362 году в результате очередного переворота в Орде пришел к власти хан Амурат. Сочтя действия своих предшественников незаконными, он направил

великокняжеский ярлык с послом в Москву. Суздальский князь не мог с этим смириться. Со своими войсками он занял Переяславль, не желая пропустить Дмитрия Московского во Владимир, куда тот, сопровождаемый своею ратью, шел венчаться на великое княжество. Надлежало решить спор оружием. Тринадцатилетний Дмитрий Иоаннович выступил в свой первый поход. Увидев полки Москвы, Суздальский князь в страхе бежал и затворился в Суздале; Дмитрий же, достигнув Владимира, прошел здесь через древний обряд вокняжения.

Здесь впервые отметим черту умеренности и миролюбия в юном князе Дмитрии. Он оставил своего соперника Дмитрия Константиновича мирно княжить в его родном уделе – Суздальском, хотя осторожнее было бы совсем лишить того всякой власти и силы... И в самом деле, Суздальский князь, заискав в хане Амурате, опять, почти немедленно, занял Владимир. Опять поход, опять изгнание соперника из великокняжеской столицы... Дмитрий Иоаннович осаждает Суздаль, но снова, верный своему неизменному миролюбию, щадит Суздальского князя, оставляет его на удельном княжении и только берет с него присягу в верности.

Великий князь-отрок постигал науку московской политики, заключающуюся в сочетании силы и милосердия. Под руководством митрополита князь постепенно приобретал ту особую мудрость государственного правителя, которую современники связывали с его личностью. Утвердившись в великокняжеском достоинстве, Дмитрий уже на заре своего правления начинает работу по объединению Московской земли. Москва возвышалась. Она укрепила союз и с Суздалем, завершившийся в 1366 году браком великого князя Дмитрия и суздальской княжны Евдокии Дмитриевны (в будущем преподобной Ефросинии Московской; † 7 июля 1407 года; причислена к лику святых).

Тем не менее постоянная трудность положения великого князя Дмитрия Иоанновича состояла в том, что практически на протяжении всей жизни ему приходилось вести непрекращающиеся войны с многочисленными врагами. Кроме постоянного противостояния Руси держав внешних – Орды и Литвы, великий князь должен был неусыпно помнить о противниках внутрирусских, сильнейшими из которых были княжества Нижегородское, Рязанское и особенно Тверское.

1368 год был ознаменован концом сорокалетнего относительного спокойствия на Руси: через Русскую землю к Москве шли войска Ольгерда Литовского, всё уничтожая на своем

пути. Великий князь, митрополит Алексей, князь Владимир Андреевич, двоюродный брат Дмитрия Иоанновича, затворились в Москве. Ольгерд начал осаду, но вид каменного кремля смутил его; за новыми постройками просматривалась уверенность в своих силах и в своем праве, сосредоточенная мощь; и, постояв в виду Москвы три дня, Ольгерд снял осаду и ушел в Литву. Страшным нашествием литовцев Московская земля была опустошена. Но Дмитрий Иоаннович вовсе не собирался отказываться от своей широкой объединительной политики. В вечевые республики Новгород и Псков был послан – ради заключения союза с ними – ближайший друг, князь Владимир Андреевич; за поддержку Литвы понесли наказание князья Смоленский и Брянский. Митрополит Алексей отлучил от Церкви князей Михаила Тверского и Святослава Смоленского. Читая историю, не успеваешь следить за грозowymi тучами, то и дело налетающими в эту эпоху на стойкое Московское княжество и его властителя.

В 1371 году Тверской князь Михаил отправился к Мамаю просить ярлыка для себя. Мамай, который уже давно наблюдал за действиями Московского князя Дмитрия, давно не выплачивавшего ему дани, охотно дал ярлык Михаилу. В Москву же был направлен посол Сары-хожа с оскорбительным приглашением Дмитрию Иоанновичу во Владимир на венчание Михаила. И здесь великий князь поступил как свободный человек, истинный хозяин положения: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Владимирское не пушу, а тебе послу, путь чист». Главным в этом поступке было неповиновение Орде – и в деле весьма важном. Дмитрий Иоаннович действительно перекрыл путь Михаилу во Владимир, введя свои войска в Переяславль: ордынский же посол, прибывший в Москву, был встречен великим князем прекрасно. Задобренный, Сары-хожа в Орде походатайствовал за Московского князя, чем в какой-то мере подготовил и дальнейший его успех.

Вскоре, в этом же году, Дмитрий Иоаннович отправился в Орду, чтобы прекратить происки Михаила; на этот поступок – как и на прочие свои важные политические действия – великий князь имел благословение митрополита Алексея. Практически ни одного значительного государственного решения великий князь не принял без благословения Церкви. Три фигуры, облеченные духовным саном, оказались ключевыми для его жизненного пути: это святитель Алексей, преподобный Сергей и Феодор Симоновский, впоследствии архиепископ Ростовский; каждый имел особенное влияние на великого князя. Руководство митрополита Алексея, продолжавшееся вплоть до его смерти в

1378 году, соответственно самой личности святителя, имело жизненно-практический характер, было для Дмитрия Иоанновича школой не только духовной жизни, но и управления страной. Великий князь вернулся в Москву с нужным ярлыком. Михаилу же от Мамаю пришло послание, в котором содержалось отрицание права на великое княжение.

Дело возвышения Москвы требовало решения и задач созидательных, устройства собственного дома – с этого начинал давнее общегосударственное дело великий князь. В основе жизненного уклада великокняжеского дома находился истинно христианский брак. Семейная жизнь великокняжеской четы проходила под духовным руководством святителя Алексия, позже – Феодора Симоновского. Оказывал на нее влияние и преподобный Сергей: из двенадцати детей Дмитрия Иоанновича и Евдокии Дмитриевны двое сыновей были крещены Троицким игуменом.

В качестве же основной личной черты великого князя автор «Слова о житии...» называет необыкновенную любовь к Богу. Одно из имен, которым наделяет древний книжник Дмитрия Иоанновича в похвалу ему – «С Богом все творящий и за Него борющийся». «Царским саном облеченный, жил он по-ангельски, постился и снова вставал на молитву и в такой благодати всегда пребывал. Тленное тело имея, жил он жизнью бесплотных». «Землею Русскою управляя и на престоле сидя, он в душе об отшельничестве помышлял, царскую багряницу и царский венец носил, а в монашеские ризы всякий день облекаться желал. Всегда почести и славу от всего мира принимал, а Крест Христов на плечах носил. Божественные дни поста в чистоте хранил и каждое воскресенье Святых Таинств приобщался. С чистейшей душой перед Богом хотел он предстать; поистине земной явился Ангел и небесный человек».

С лишком полтора десятка лет томилась многострадальная Русь под тяжелым игом татарским. И вот, наконец, призрел Господь Бог на мольбы Руси Православной – приближался час освобождения. Народ, сто лет привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал мужественно на поработителей. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и думать их деда?.. Мы знаем одно, что преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего под его благодатным воспитанием.

В 1370-е годы включился великий князь Димитрий Иоаннович в борьбу с Золотой Ордой. Это движение, вдохновляемое Русской Церковью, широко развивалось среди порабощенного народа.

В 1376 году состоялся поход на Волжскую Болгарию. Русские осадили болгар и, несмотря на наличие у города пушек – невиданного по тому времени оружия, – вынудили его к сдаче. Это был значительный успех Москвы, ее первая наступательная победа в борьбе с татарами.

В 1378 году Мамай послал на Русь большое войско, во главе которого стоял воевода Бегич; в июле татары вторглись в рязанские земли. Поход этот имел целью не только ограбление Рязанского княжества, но, судя по размерам обозов, Бегич не исключал возможности дойти и до самой Москвы. Навстречу врагу выступил Димитрий Иоаннович, полки которого разбили татар.

Выигранная битва на реке Воже была генеральной репетицией сражения на Куликовом поле. Приближался грозный 1380 год. Напрасно великий князь Димитрий Иоаннович пытался умиловить хана дарами и покорностью: Мамай и слышать не хотел о пощаде. Как ни тяжело было великому князю после недавних войн с литовцами и другими беспокойными соседями снова готовиться к войне, а делать было нечего: татарские полчища надвигались, подобно грозовой туче, к пределам тогдашней России.

Готовясь выступить в поход, великий князь Димитрий Иоаннович счел первым долгом посетить обитель Живоначальной Троицы, чтобы там поклониться Единому Богу, в Троице славимому, и принять напутственное благословение от преподобного игумена Сергия. Он пригласил с собой брата Владимира Андреевича, всех бывших тогда в Москве православных князей и воевод русских с отборной дружиной воинской, и после дня Успения выехал из Москвы. На другой день они прибыли в Троицкую обитель. Воздав здесь свое смиренное поклонение Господу Сил, великий князь сказал святому игумену: «Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар. И вот они идут на мою отчизну, на Русскую землю, разорять святыне церкви и губить христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!».

Святой старец успокоил великого князя надеждой на Бога: «Господь Бог тебе помощник; еще не пришло время тебе самому

носить венец этой победы с вечным сном; но многим, без числа многим сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечной памятью». И, осеняя преклонившегося перед ним великого князя святым крестом, богоносный Сергей воодушевленно произнес: «Иди, господине, небоязненно, Господь поможет тебе на безбожных врагов!» А затем, понизив голос, сказал тихо одному великому князю: «Победиши враги твоя» ... С сердечным умилением внимал великий князь пророческому слову святого игумена: он прослезился от душевного волнения и стал просить себе у преподобного особого дара в благословение своему воинству и как бы в залог обещанной ему милости Божией.

В то время в обители Живоначальной Троицы в числе братии, подвизавшейся под руководством Сергея против врагов невидимых, были два инока-боярина: Александр Пересвет, бывший боярин Брянский, и Андрей Ослябя, бывший боярин Любецкий. Их мужество, храбрость и искусство воинское были еще у всех в свежей памяти: до принятия монашества оба они славились как доблестные воины, храбрые богатыри и люди очень опытные в военном деле. Вот этих-то иноков-богатырей и просил себе в свои полки великий князь у преподобного Сергея: он надеялся, что эти люди, посвятившие себя всецело Богу, своим мужеством могут служить примером для его воинства и тем самым сослужат ему великую службу. И преподобный Сергей не задумался исполнить просьбу великого князя, на вере основанную. Он тотчас же повелел Пересвету и Ослябе взамен лат и шлемов возложить на себя схимы, украшенные изображением Креста Христова: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное», – говорил при сем преподобный.

Благословив крестом и окропив еще раз освященной водой великого князя, своих иноков-витязей и всю дружину княжескую, преподобный Сергей сказал великому князю: «Господь Бог да будет твой помощник и заступник: Он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя!». Тронутый до глубины души пророческими речами старца, великий князь отвечал ему: «Если Господь и Пресвятая Матерь Его пошлет мне помощь противу врага, то я построю монастырь во имя Пресвятой Богородицы».

Между тем быстро пронеслась по лицу Русской земли молва о том, что великий князь ходил к Троице и получил благословение и ободрение на брань с Мамаем от великого старца, Радонежского пустынника. Светлый луч надежды блеснул в сердцах русских людей, а те, которые готовы были стать противу великого князя Московского заодно с Мамаем, поколебались. Таков был старый Рязанский князь Олег. Он уже готовился соединиться с Мамаем,

чтобы пожить на счет Московского князя, со стороны коего не ожидал большого сопротивления такому сильному врагу. Но, получив известие, что московские силы уже переправились через Оку, что инок-подвижник по имени Сергей благословил Московского князя идти против Мамаю, князь Олег очень встревожился. Так высоко ставили благословение преподобного Сергия даже сами враги Московского князя. Благословение святого старца даже в их глазах считалось уже достаточным ручательством победы великого князя Московского. И Олег отложил всякую мысль идти на помощь татарам против московских полков.

Как раз перед выступлением великого князя против татар произошло Божественное знамение – чудесное событие: во Владимире были открыты мощи благоверного князя Александра Невского, прадеда Димитрия Иоанновича. Инок-пономарь той церкви, где находилась гробница князя, ночью спавший на паперти, внезапно увидел, что свечи, стоящие перед иконами, сами собой загорелись, и к гробу подошли два старца, вышедшие из алтаря. Обратившись к лежащему там князю, они воззвали к нему, понуждая встать и выйти на помощь правнуку, идущему на бой с иноплемениками. Князь встал и вместе со старцами сделался невидимым. Наутро гроб был выкопан, и были обнаружены нетленные мощи. Видимо, об этом событии Димитрий Иоаннович узнал еще до битвы; оно было достоверным свидетельством незримой помощи ему со стороны его великого предка.

8 сентября 1380 года с раннего утра они стали в боевой порядок между рек Дона и Непрядвы, готовые встретить безбожного врага. В это самое время является перед великим князем инок Нектарий, посланный с другими братьями от преподобного Сергия, неся мир и благословение ему и всему христолюбивому его воинству. Святой старец провидел духом нужду еще раз укрепить мужество великого князя перед самой битвой и прислал ему в благословение Богородичную просфору и своеручную грамотку, конец которой сохранила для потомства одна из наших летописей. Грамотка эта, увещевая великого князя сражаться мужественно за дело Божие и пребывать в несомненном уповании, что Бог увенчает их дело счастливым успехом, оканчивалась следующим изречением: «Чтобы ты, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Троица».

Быстро разнеслась по полкам весть о посланцах Сергиевых, в лице их великий печальник Русской земли как бы сам посетил и благословил русское воинство, и это посещение в такую важную и

решительную для всех минуту было сколько неожиданно, столько же и благовременно. Теперь и слабые духом воодушевились мужеством, и каждый воин, ободренный надеждой на молитвы великого старца, бесстрашно шел на битву, готовый положить душу свою за святую веру православную, за своего князя любимого, за дорогое свое Отечество.

При мысли, что многие тысячи храбрых витязей падут через несколько часов, как усердные жертвы любви к Отечеству, Димитрий Иоаннович в умилении преклонил колена и, простирая руки к златому образу Спасителя, сиявшему вдали на черном знамени великокняжеском, в последний раз горячо молился за христиан и Россию. Потом благоверный князь Димитрий сел на коня, объехал все полки, воодушевляя их словами: «Отцы и братья мои! Господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим, ведь и тогда венцами победными увенчает нас Христос Бог и Спаситель душ наших». Прибыли еще на помощь Москве князья Ольгердовичи: Андрей Полоцкий и Димитрий Брянский и с ними 70 тысяч воинов.

Наступил грозный час этой битвы, которая должна была решить участь тогдашней России. Над Куликовым полем стоял туман; когда же он рассеялся, то обнаружились две рати, самым своим видом знаменующие противостояние мрака и света. Татарские полчища виделись темными, как замечает летописец; «доспехи же русских сынов будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся; яловцы же шлемов их, как пламя огненное, колышутся», посреди войска развевалось алое великокняжеское знамя с изображением Нерукотворного Спаса.

Вдруг с татарской стороны выехал вперед богатырь огромного роста, крепкого сложения, страшной наружности; звали его Челубей. Страшно было смотреть на этого великана. И хотя было среди них немало храбрых воинов, но никто не решался сам добровольно вызваться на такой подвиг.

Прошло несколько минут томительного ожидания, и вот выступил один из Сергиевых иноков – его усердный послушник схимонах Александр Пересвет. Все были тронуты до слез самоотвержением инок; все молили Бога, да поможет ему, как древле Давиду на Голиафа. А он, в одном схимническом одеянии, без лат и шлема, вооруженный тяжеловесным копьем, подобно молнии устремился на своем быстром коне противу страшного татарина – оба богатыря пали мертвыми на землю!

Тогда-то «закипела битва кровавая, заблестели мечи острые, как молнии, затрещали копья, полилась кровь» – повествует святитель Димитрий Ростовский.

Не выдержал и великий князь: он сошел с коня великокняжеского, отдал его своему любимому боярину (Михаилу Бренко), повелел ему вместо себя быть под знаменем, а сам достал бывший у него на персях под одеждою крест с частицами Животворящего Древа, поцеловал его и ринулся в битву с татарами наравне с простыми воинами... Самым горячим стремление князя было желание принять участие в битве; им руководила готовность сразиться за веру и пострадать за Христа. Он пренебрег своим привилегированным положением и в своем порыве слиться с воинской массой явил свое великое смирение. Свидетели видели его, переносящегося на коне от полка к полку, твердо бьющимся с татарами, выдерживающим порой атаку нескольких воинов.

«И была сеча лютая и великая, и битва жестокая, и грохот страшный, – повествует летописец, – от сотворения мира не было такой битвы у русских великих князей, как при этом великом князе всея Руси». Люди гибли не только от мечей, копий и под копытами коней – многие задыхались от страшной тесноты и духоты: Куликово поле как бы не вмещало борющейся рати, земля прогибалась под их тяжестью, пишет один из древних авторов. Особо чутким в эти часы открывалось духовное существо происходящего. Видели Ангелов, помогающих христианам – во главе «трисолнечного» полка стоял Архистратиг Михаил, по небесам шествовали рати святых мучеников и с ними – святые воины Георгий Победоносец, Димитрий Солунский, святые князья Борис и Глеб. От духовных воинств на татар летели тучи огненных стрел. Видели же, как над русским войском явилось облако, из которого на головы православных воинов опустилось множество венцов.

Когда Мамай со своими полками позорно бежал, побросав обозы, князь Владимир Андреевич, вернувшись на Куликово поле, покрытое теперь мертвыми телами, принялся расспрашивать всех о великом князе. Свидетельствовали о том, то он сражался в первых рядах, что бывал окружен множеством врагов; кто-то говорил о его ранении – последний видевший его утверждал, что князь брел с поля битвы, шатаясь от ран. Принялись искать князя среди мертвых; наконец, он был найден в роще неподалеку лежащим без сознания. Бог хранил князя; несмотря на многочисленные удары, принятые им от врагов, он остался

невредимым от серьезных ранений. Услышав голоса, он пришел в себя, известие же о победе окончательно вернуло ему силы.

Между тем, как длилась грозная битва Куликовская, в обители Живоначальной Троицы святой игумен Сергей собрал всю свою братию и возносил молитвы сердечные за успех великого дела. Телом стоял он на молитве во храме Пресвятой Троицы, а духом был на поле Куликовом, прозревая очами веры все, что совершалось там.

И много доблестных русских воинов полегло на поле том. Летописи говорят, что из 150 тысяч воинов вернулось в Москву не более 40 тысяч.

Куликовская победа настолько обессилила русское войско, что ему необходимо было дать отдых, а у Московского князя, как мы уже видели, тогда было немало врагов и кроме татар. И тут преподобный Сергей, предотвращая столкновение великого князя с Олегом Рязанским и предупреждая страшное пролитие родной, братской, русской же крови, послал своего келаря. И не напрасно было это посольство: летопись говорит о раскаянии Олега, хотя и не надолго.

Возвратясь в Москву и распустив по домам воинов-победителей, великий князь Димитрий Иоаннович, прозванный за эту победу Донским, снова прибыл в обитель Живоначальной Троицы, чтобы воздать благодарение сильному во бранех Господу, лично поведать великому старцу о Богодарованной победе. В Троицком монастыре по погибшим воинам служились многочисленные панихиды; был учрежден особый день их ежегодного поминовения, названный Димитриевской субботой, перед 26-м числом октября (день Ангела великого князя Димитрия Иоанновича) и, конечно, установлен не без совета с преподобным Сергием. Позже он стал днем общего воспоминания усопших предков, родительским днем. Так в церковной памяти была увековечена Куликовская битва.

С именем Димитрия Иоанновича связано строительство целого ряда новых монастырей и храмов. По благословению преподобного Сергия он заложил в 1378 году Успенский Стромьинский монастырь; предполагалось в преддверии решающей битвы с Ордой собрать в него молитвенников со всей Русской земли, чтобы духовно поддержать Русь. Настоятелем монастыря стал ученик преподобного Сергия Леонтий. Другой, также Успенский, монастырь великий князь построил в благодарность Богу за победу в Куликовской битве. Его называют монастырем на реке Дубенке; первым его игуменом также был ученик преподобного Сергия, будущий святой Савва

Звенигородский. На самом Куликовом поле был построен монастырь Рождества Богородицы: победа произошла именно в этот праздник. Также после победы Димитрий Иоаннович построил Николо-Угreshский монастырь под Москвой и опять-таки с помощью преподобного Сергия Димитрий Иоаннович выстроил Голутвинский монастырь, а также каменный Успенский собор Симонова московского монастыря.

Последние годы жизни великого князя Димитрия Иоанновича были, вероятно, самыми трудными для него; после Куликовской битвы его ждали многие тяжелые испытания. Осенью 1380 года, свидетельствуют летописи, Димитрия Иоанновича впервые посетили тяжелые болезни – сказалось нечеловеческое напряжение великого боя. В изнеможении была и вся Русская земля. Не успела она оправиться от страшных потерь в Куликовскую битву, как явился новый враг, 1382 год ознаменовался нашествием Тохтамыша, разорением Москвы. Это бедствие было еще тяжелее после блестящей победы. Великий князь из-за разногласий среди бояр, как говорит древний автор, не смог собрать достаточного для отпора татарам войска; тогда, чтобы найти людей, он отправился в Переяславль, а затем в Кострому. В Москве остался митрополит Киприан – он не смог противостоять начавшимся здесь беспорядкам.

Митрополит решил уйти из Москвы, также и великая княгиня с детьми. С трудом удалось им выйти за городские стены. Митрополит направился в Тверь, княгиня – к мужу в Кострому. Началась осада Москвы, и три дня город держался, но на четвертый воины Тохтамыша ворвались в город. Страшен был учиненный погром в Москве: убивали подряд людей, оскверняли алтари, грабили церкви, сожигали великого князя была расхищена; сжигались книги, свезенные со всех окрестностей в московские храмы – сам город был в конце концов подожжен. Когда великий князь вернулся в Москву, он застал город разоренным и опустевшим. И только храбрый Владимир погнался за татарами и поразил 6000 врагов и отнял много пленных и обозы. По преданию, Димитрий Иоаннович плакал на развалинах Москвы и велел похоронить убитых на собственные деньги.

Другим большим горем для великого князя было возобновление старой вражды с Тверью: презрев все письменные обещания 1375 года, князь Михаил отправился к новому хану просить ярлыка на великое княжение. В 1383 году великий князь Димитрий был вынужден отправить в Орду своего старшего сына, одиннадцатилетнего Василия, для отстаивания великокняжеского ярлыка. Ценой возобновления ежегодной дани Москве удалось

оставить ярлык за собой – Михаил потерпел неудачу, но Василий был на два года задержан в Орде заложником.

Другой беспокойный сосед Московского князя был Олег, князь Рязанский. Хитрый и вероломный, он не раз нарушал договоры, входил в сношения то с Ольгердом и Тверским князем, то с Мамаем и Тохтамышем. Великий князь не раз посылал к нему доверенных лиц с мирными предположениями, но Олег не хотел и слышать о мире. Тогда великий князь призвал преподобного Сергия и лично просил его принять на себя труд убедить упрямого князя Рязанского к примирению. Поздней осенью 1385 года смиренный старец отправился, по своему обыкновению пешком, в Рязань. Олег уже много слышал о Радонежском игумене: еще пять лет назад он не решился присоединиться к полчищам Мамае только потому, что Московский князь получил от преподобного Сергия благословение на битву с Мамаем, и теперь рад был видеть святого старца своим гостем и благословиться у него. Кроткие увещания богомудрого Сергия смягчили сердце сурового князя Рязанского, и он чистосердечно открылся преподобному в своих замыслах и «взял с великим князем Димитрием вечный мир и любовь в род и род». Этот мир впоследствии скреплен был семейным союзом: сын Олега Феодор взял за себя дочь великого князя Софию Димитриевну.

Так при неусыпном попечении и отеческом руководстве святителя Алексия и благодаря деятельному участию игумена Радонежского, преподобного отца нашего Сергия стала постепенно объединяться и Русская земля, обессиленная раздорами удельных князей.

Великий князь продолжал свое трудное дело: восстанавливал разрушенную Москву и держал наготове меч, храня бдительно интересы Московского княжества. Образ действий великого князя оставался все тот же: он сначала устрашал и разил врагов и ослушников, потом миловал и прощал их.

Мало-помалу эти князья свыклись с мыслью о необходимости подчиниться власти Московского князя, а в народе пробуждалось сознание нужды сплотиться воедино, дабы общими силами сбросить с себя ненавистное иго татарское. Бог знает, мог ли бы достигнуть какого-нибудь успеха в этом великом деле великий князь Московский, предоставленный самому себе, без содействия Церкви в лице таких святых мужей, исполненных Духа и силы, каковы были угодники Божии митрополит Алексий и богоносный Сергий, игумен Радонежский.

Хотя, по словам летописи, Димитрий Иоаннович был богатырского сложения – «бяхе же крепок зело, и телом велик и

широк, и плечист и чреват вельми и тяжек; брадою и власы черн; взором же дивен зело», – но и при этих мощных силах непрестанная 26-летняя бранная тревога должна была измучить его телесно и душевно. Почувствовав приближение смерти, Димитрий Иоаннович послал за преподобным Сергием. Преподобный, наблюдавший все течение жизни великого князя, не только был главным свидетелем при составлении его духовного завещания (что подтверждено документами), но и преподавал Димитрию Иоанновичу все необходимые ему христианские таинства. Древний источник воспроизводит если не самые предсмертные слова великого князя в их исторической буквальности, то общий дух его наизидания ближним. «Вы, дети мои, – говорил благочестивый князь, – живите заодно, а матери своей слушайтесь во всем... Который сын не станет слушаться матери своей, на том не будет моего благословения... Вот я отхожу к Богу, и вас поручаю Богу и матери вашей: под страхом ея будьте всегда... Бойтесь Бога; бояр своих любите, будьте приветливы ко всем своим слугам. А вы, бояре, знаете мой обычай и нрав – я родился у вас на глазах, при вас я возрос, с вами ходил на врагов, с вами свою отчизну защищал... Я любил вас и детей ваших, с вами делил и радость, и горе... Вспомните, что говорили вы мне всегда: на службе тебе и детям твоим мы должны сложить и свои головы... Будьте же верны слову своему, послужите княгине моей и чадам моим, повеселитесь с ними в их радости, не оставьте их и во время скорби»... Так говорил умирающий Донской герой; а в своей духовной грамоте он навсегда заповедал своим детям и потомству своему, чтобы после отца наследовал великокняжеский престол старший сын его, помимо других лиц, старших в роде, и таким образом установил новый порядок престолонаследия, не допуская никаких споров и претензий со стороны братьев усопшего великого князя. И вот охранение этого, столь важного постановления, которому не только Москва, но и вся Россия навеки обязана укреплением единой самодержавной власти, было вверено Промыслом Божиим не иному кому, как великому печальнику земли Русской преподобному Сергию!

Княжение Димитрия Донского за редким исключением не знало случаев ухода от него служивых людей; на его духовном завещании стоит самое большое число боярских подписей. И перед самой кончиной великий князь пожелал своим родным, ближним, боярам и всей Руси: «Бог мира да будет с вами!». Глубокий смысл сокрыт в этих словах! Вся натрудившаяся, изболевшаяся за Родину душа великого и доброго князя вылилась в этом благочестивом горячем пожелании...

19 мая 1389 года великий князь Димитрий Иоаннович преставился. Кончина его на 41-м году жизни поразила всю Русь. После Владимира Мономаха и Александра Невского никого так не любил и не чтил народ русский. Он был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля, рядом с гробницами его отца, деда, прадеда. По преданию, на отпевании среди многочисленного духовенства находился покровитель, молитвенник, старец великого князя, преподобный Сергей Радонежский.

В своем ревностном служении Церкви Христовой, патриотических трудах Отечеству и народу в грозные годы вражеского ига благоверный князь явился истинным сыном Церкви Русской, вдохновляющим и ныне ее верных чад на самоотверженное служение Богу и людям. Праведный подвиг князя, отдавшего «душу свою за други своя» не был забыт православным верующим народом. Он побуждает и ныне чад церковных к служению на благо Родины и ее народа.

Особым знаком произволения Господня стало почитание князя Димитрия как избранника Божия. По свидетельству многочисленных источников, памятников письменности и иконографии, сначала в Москве, а потом повсеместно по всей России началось прославление князя. Уже вскоре после кончины его были написаны «Похвальное слово», текст которого вошел в состав русских летописей, и житие. В житии отмечаются христианское великодушие и большая любовь к народу, сочетавшиеся с широкой благотворительностью.

Сохранились и иконографические изображения великого князя: на фреске Архангельского собора и в Грановитой палате. Описание образа князя можно прочитать и в «Иконописном подлиннике» (под 9 мая).

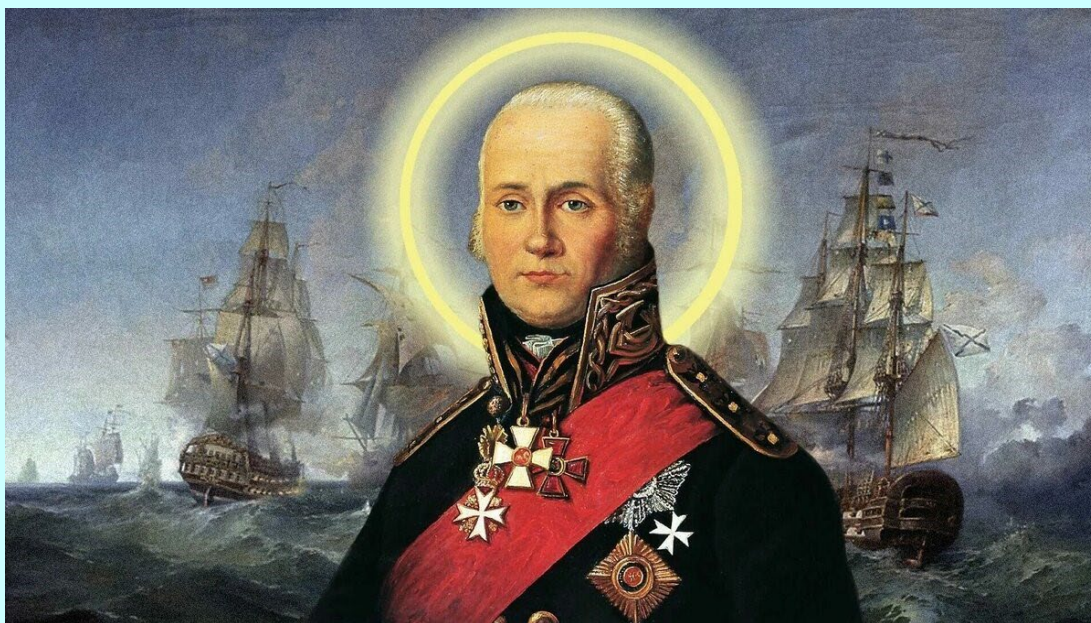
Память о великом князе жива всегда и особенно увеличивается в годы войн и опасностей. Так, в Великую Отечественную войну имя князя Димитрия в патриотических посланиях патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия стояло рядом с именем святого Александра Невского; оба князя-воина призывались в помощники страждущему Отечеству. Именем Димитрия Донского была названа танковая колонна, созданная на пожертвования верующих и переданная в 1944 году танковым войскам СССР. В 2002 учреждён Орден «За Служение Отечеству» в память святого великого князя Дмитрия Донского и преподобного игумена Сергия Радонежского. В русском флоте именем князя были названы парусные линейные корабли,

винтовой фрегат, океанский броненосный крейсер и атомная подводная лодка.

Великий князь Московский Димитрий Донской канонизирован в 1988 году как святой благоверный на основании его больших заслуг перед Церковью и народом Божиим, а также на основании его личной благочестивой жизни, воплотившей спасительную христианскую идею пожертвования собой до крови ради блага и спасения ближних.

**Святой благоверный ПРАВЕДНЫЙ ВОИН ФЕОДОР,
ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ УШАКОВ, АДМИРАЛ ФЛОТА
РОССИЙСКОГО (1745–1817)**

Память 23 июля / 5 августа, 2/15 октября

Святой праведный воин Феодор Ушаков – русский флотоводец, командующий Черноморским флотом (1790-1798); командующий русско-турецкой эскадрой в Средиземном море (1798-1800), адмирал (1799), знаменитый на всём Востоке непобедимый «Ушак-паша». Он не потерял в боях ни одного корабля, ни один его подчинённый не попал в плен. Ф.Ф. Ушаков одержал победу в пяти крупнейших морских сражениях (Фидониси, Керчь, Тендра, Калиакрия и Корфу) и не потерпел ни одного поражения. В 2001 году Русской Православной Церковью причислен к лику святых как праведный воин Феодор Ушаков, а в 2004 году Архиерейский собор причислил

адмирала Ушакова к лику святых всей Русской Православной Церкви.

Память святого праведного воина Феодора Ушакова празднуется 23 июля (5 августа по новому стилю) в день прославления в 2001 году, 2 октября (15 октября по новому стилю) в день преставления, а 23 мая (5 июня по новому стилю) – в Соборе Ростово-Ярославских святых Установлен 10 марта 1964 года по инициативе архиепископа Ярославского и Ростовского Никодима (Ротова) решением патриарха Московского и всея Руси Алексия I и Священного Синода Русской Православной Церкви. Празднование совпадает с днем памяти святителя Леонтия, епископа Ростовского, апостола Ростово-Суздальской земли. 14 октября (Греция), а также в Соборах Воронежских, Тамбовских и Херсонских святых.

Адмирал российского флота Федор Ушаков родился 13 февраля (24 февраля по новому стилю) 1745 года в сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции (ныне – Рыбинский район Ярославской области) и происходил из небогатого, но древнего дворянского рода. Родителей его звали Федор Игнатьевич и Параскева Никитична, и были они людьми благочестивыми и глубоко верующими.

В послепетровские времена дворянских юношей обыкновенно определяли в гвардию, служил в ней и отец будущего адмирала Федор Игнатьевич, и даже пришлось ему повоевать с турками в войну 1735–1739 годов, но после рождения третьего сына Федора он был уволен от службы с пожалованием сержантского чина лейб-гвардии Преображенского полка. Вернувшись в родное сельцо, он сменил царскую службу на хозяйственные хлопоты и воспитание детей.

День рождения будущего адмирала Российского флота – 13 февраля – приходится между празднованием памяти двух воинов-великомучеников: Феодора Стратилата и Феодора Тирона (память 8 и 17 февраля), – а вся жизнь российского флотоводца, от младенчества до дня кончины, прошла под благотворным влиянием его родного дяди, преподобного Феодора Санаксарского – великого воина в духовной брани. Преподобный Федор родился и вырос в том же сельце Бурнаково, отсюда ушел в юности служить в столичную гвардию, но затем, стремясь душою к иному служению, желая стяжать звание воина Царя Небесного,

бежал из столицы в пустынные двинские леса, чтобы одному Богу работать, укрепляясь в подвиге поста и молитвы; был сыскан, доставлен к императрице, которая, вняв Промыслу Божию о молодом подвижнике, благоволила оставить его в Александро-Невском монастыре, где он принял монашеский постриг в 1748 году, – и это исключительное для дворянского семейства Ушаковых событие, вкупе с последующими известиями о его монашеском служении Богу, было постоянным предметом бесед среди родственников и служило им назидательным примером.

Большое семейство Ушаковых состояло в приходе храма Богоявления-на-Острове, находившегося в трех верстах от Бурнаково на левом берегу Волги. В этом храме Феодора крестили, здесь же была школа для дворянских детей, где он обучался грамоте и счету. Феодор Игнатьевич и Параскева Никитична, будучи очень набожны, почитали главным условием воспитания детей развитие высоких религиозных чувств и строгой нравственности. Эти чувства, возбужденные примерами семейства и особенно родного дяди-монаха, глубоко запечатлелись в сердце возраставшего отрока, сохранились и стали господствующими во всю его последующую жизнь. В глуши деревенского поместья было много простора для физического развития; отрок Феодор, обладая врожденным бесстрашием характера, нередко, в сопровождении таких же смельчаков, отваживался, как отмечают биографы, на подвиги не по летам – так, например, со старостою деревни своей он хаживал на медведя. Эти качества – бесстрашие и пренебрежение опасностью – также укрепились в характере Феодора. Скромный и уступчивый в обычных условиях, Феодор Ушаков как бы перерождался в минуты опасности и без страха смотрел ей прямо в лицо.

В возрасте шестнадцати лет Феодор был представлен в герольдмейстерскую контору для смотра, где и показал, что “российской грамоте и писать обучен... желает-де он, Феодор, в Морской кадетский корпус в кадеты”.

Морской кадетский корпус располагался в Санкт-Петербурге, на углу набережной Большой Невы и 12-й линии Васильевского острова. В феврале 1761 года туда был

зачислен Феодор Ушаков, но дяди своего в Александро-Невском монастыре уже не застал – монах Феодор был в Санаксаре, на берегу Мокши, в Тамбовской провинции.

Ко времени поступления Феодора Ушакова Морской корпус представлял собою еще не настроившееся для правильной учебной жизни заведение. Науки преподавались достаточно хорошо, чтобы образовать исправного морского офицера, но внутреннего порядка, должного наблюдения за нравственностью юношей не было. Кадеты были предоставлены самим себе, и при склонности подростков к подражанию и молодечеству дурные товарищи могли иметь большее влияние, чем хорошие. Кроме того, много надежд в деле воспитания возлагалось на розгу. Но неблагоприятные школьные условия не отразились на юноше Феодоре; добрые свойства его характера, принесенные им в корпус из родной семьи, оградили его от порчи. Будущий адмирал, отличаясь хорошей учебой и доброй нравственностью, прилежно постигал преподаваемые ему науки, особую склонность проявляя к арифметике, навигации и истории, и через пять лет успешно, одним из лучших, окончил Морской корпус, получил офицерский чин и был приведен к присяге: «Аз, Феодор Ушаков, обещаюся и клянуся Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ моей всемилостивейшей Государыне ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ САМОДЕРЖИЦЕ и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА любезнейшему Сыну Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, законному Всероссийскаго престола Наследнику, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий!». Вся последующая жизнь Феодора Феодоровича стала подтверждением того, что он ни в чем не изменил данной им присяге.

После выпуска из Морского корпуса Феодора Ушакова направили на флот Балтийского моря. Северные моря редко бывают спокойными, и для молодого офицера это была хорошая морская школа. Первые годы службы на флоте прошли в интенсивной учебе под руководством опытных моряков. Благодаря своему усердию, пытливости ума, ревностному отношению к делу и высоким душевным

качествам, молодой мичман Феодор Ушаков успешно прошел эту первую школу морской практики и был переведен на юг, в Азовскую флотилию.

В конце XVII – начале XVIII века выдвинулась государственная задача возвращения России побережья Черного моря. В 1775 году, при императрице Екатерине II, было принято решение о создании на Черном море регулярного линейного флота. В 1778 году, в тридцати верстах выше устья Днепра, недалеко от урочища Глубокая пристань было устроено адмиралтейство, основаны порт и город Херсон. Началась работа по сооружению эллингов под корабли, однако из-за больших трудностей с доставкой леса из глубинных районов России строительство затянулось. Дело начало поправляться лишь с прибытием офицеров и команд на строившиеся корабли. В августе 1783 года в Херсон прибыл и капитан второго ранга Феодор Ушаков.

В это же время в городе началась эпидемия чумы. В Херсоне был установлен карантин. В то время считалось, что чума распространяется по воздуху. Для отгнания морового поветрия на улицах разводили костры, окуривали жилища, но эпидемия усиливалась. Несмотря на сложную военную обстановку, требовавшую продолжения строительства кораблей, был дан приказ полностью прекратить работы и все силы направить на борьбу с чумой.

Все команды были выведены в степь. Не хватало лекарей, их обязанности принимали на себя командиры. Капитан Феодор Ушаков стал твердо устанавливать особый карантинный режим. Всю свою команду он разделил на артели. У каждой имелась своя палатка из камыша, по сторонам которой были установлены козлы для проветривания белья. На значительном удалении располагалась больничная палатка. Если в артели появлялся заболевший, его немедленно отправляли в отдельную палатку, а старую вместе со всеми вещами сжигали. Остальные артельщики переводились на карантин. Общение одной артели с другой было строго запрещено. Ушаков сам неустанно за всем этим следил. В результате энергичных действий Феодора Ушакова в его команде чума исчезла на четыре месяца раньше, чем в других. В самое тяжелое по напряженности время эпидемии он никого не посылал в госпиталь, переполненный больными, и спас от смерти многих, пользуя их при команде. Здесь проявились,

конечно, его исключительные способности решать самые трудные и неожиданные задачи; но, главным образом, здесь сказалась великая любовь Феодора Ушакова к ближним своим, любовь милующая, сострадательная, подсказывавшая ему наиболее верные решения. За умелые действия и проявленные при этом старания Феодор Ушаков был произведен в капитаны первого ранга и награжден своим первым орденом святого Владимира четвертой степени.

Трактатом между Россией и Турцией от 28 декабря 1783 года Крым был окончательно присоединен к России. И тогда же Екатериной II был издан указ об устройстве на южных рубежах новых укреплений, среди которых необходимо было выстроить и “крепость большую Севастополь, где ныне Ахтияр и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение”. В августе 1785 года в Севастополь из Херсона на 66-пушечном линейном корабле “Святой Павел” прибыл капитан первого ранга Феодор Ушаков.

11 августа 1787 года Турция объявила войну России. Для ведения боевых действий были развернуты две армии: Екатеринославская под предводительством генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина-Таврического и Украинская генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского. На первое время им предписывалось лишь охранять российские границы, и только Севастопольскому флоту было велено действовать решительно. Вскоре произошла первая генеральная баталия. Турецкий флот насчитывал семнадцать линейных кораблей и восемь фрегатов, а в русской эскадре, авангардом которой командовал капитан бригадирского ранга Феодор Ушаков, было всего два линейных корабля и десять фрегатов. 29 июня 1788 года противники обнаружили друг друга и, находясь во взаимной близости, старались занять выгодную позицию и сохранить линию баталии. Но 3 июля у острова Фидониси бой стал неизбежен. Турецкий флот всей мощью своей линии стал спускаться на русские корабли. И тут авангардный отряд Ушакова, “употребив старание и искусство”, прибавил парусов и решительным маневром лишил возможности командующего турецким флотом Эски-Гассана охватить русские корабли и взять их на абордаж. Вместе с тем Ушаков отрезал от основных сил два передовых турецких корабля. Те, в свою очередь,

обнаружив свое гибельное положение, не дожидаясь никакого сигнала, бросились спасаться бегством “с великой поспешностью”. Эски-Гассан вынужден был пуститься вдогонку своим кораблям. Победа была за русской эскадрой.

Это сражение хоть и не имело существенного влияния на дела всей кампании, но было примечательно в другом. Впервые в открытом бою малочисленный русский флот одержал победу над превосходящими силами противника. Начальствуя только авангардом, Федор Ушаков в действительности руководил боем всей эскадры, и его личная храбрость, искусное владение тактикой, выдающиеся качества командира и высокий духовный облик решили сражение в нашу пользу. Это была прежде всего духовная победа, в которой христианское самоотвержение исполнило силой воинское искусство. Вера в вечную жизнь, несомненное упование на помощь Божию и, следовательно, неустрашимость перед неприятелем – вот что было решающим во флотоводческом таланте Федора Ушакова. По своему смирению и отсутствию тщеславия Федор Ушаков в донесении не себе приписал успех, но отдал должное мужеству и стремлению к победе своих подчиненных: «Все находящиеся в команде вверенного мне корабля “Святого Павла” господа обер-офицеры и нижних чинов служители каждый по своему званию определенные от меня им должности исполняли с таким отменным старанием и храбрым духом, что за необходимый долг почитаю отнестись им всякую за то достойную похвалу...».

Закончился первый год войны, в который сокрушились турецкие морские силы, а молодой Черноморский флот одержал решительную победу, приведя Оттоманскую Порту “в чрезвычайный страх и ужас”. Федор Ушаков, получив чин контр-адмирала, был назначен в начале 1790 года командующим Черноморским флотом. Князь Потемкин писал Императрице: «Благодаря Бога, и флот и флотилия наши сильней уже турецких. Есть во флоте Севастопольском контр-адмирал Ушаков. Отлично знающ, предприимчив и охотник к службе. Он мой будет помощник». А в боевой инструкции князя Потемкина Федору Ушакову говорилось: «Требуйте от всякого, чтоб дрались мужественно или, лучше скажу, по-черноморски; чтоб были внимательны к исполнению повелений и не упускали полезных случаев... Бог с вами! Возлагайте

твердую на Него надежду. Ополчась Верою, конечно победим. Молю Создателя и поручаю вас ходатайству Господа нашего Иисуса Христа!».

С таковым напутствием служил православный воин Феодор Ушаков, умножая славу любезного Отечества.

В начале июля 1790 года, недалеко от Керченского пролива, произошло очередное сражение, в котором эскадра Ушакова вновь одержала блистательную победу. «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей, – писал Ушаков. – Они стреляли в неприятельский корабль не часто и с такою сноровкою, что, казалось, каждый учится стрелять по цели». Конечно, такая неустрашимость и спокойствие духа, проявленные участниками боя, говорят о великом примере их предводителя. Екатерина II писала князю Потемкину: «Победу Черноморского флота над Турецким мы праздновали вчера молебствием у Казанской... Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным».

После поражения при Керчи разбросанный по всему морю турецкий флот вновь стал собираться в единую эскадру. Султан Селим III для верности дал в помощь командующему турецким флотом Гуссейн-паше опытного адмирала Саид-бея, намереваясь переломить ход событий в пользу Турции. Но одно дело намерения, а другое – встреча лицом к лицу с русским православным воинством. Утром 28 августа турецкий флот стоял на якоре между Гаджибеем (впоследствии Одессой) и островом Тендра. И вдруг со стороны Севастополя Гуссейн обнаружил идущий под всеми парусами российский флот. Появление русской эскадры Ушакова привело турок в чрезвычайное замешательство. Несмотря на превосходство в силах, они спешно стали рубить канаты и в беспорядке отходить к Дунаю. Ушаков, справедливо полагая, что в нравственном отношении половина победы на его стороне, приказал нести все паруса и, подойдя к противнику на дистанцию картечного выстрела, обрушил всю мощь бортовой артиллерии на передовую часть турецкого флота. Флагманский корабль Ушакова “Рождество Христово” вел бой с тремя кораблями противника, заставив их выйти из линии. Российские суда храбро следовали примеру своего предводителя. Замешательство турок возрастало с каждой минутой. Теснимые русскими судами передовые неприятельские корабли принуждены были пуститься в бегство.

Флагманский корабль Саид-бея 74-пушечный “Капудания”, будучи сильно поврежденным, отстал от турецкого флота. Русские корабли окружили его, но он продолжал храбро защищаться. Тогда Ушаков, видя бесполезное упорство неприятеля, направил к нему “Рождество Христово”, подошел на расстояние тридцати сажен и сбил с него все мачты; затем встал бортом против носа турецкого флагмана, готовясь к очередному залпу. В это время “Капудания” спустил флаг.

«Люди неприятельского корабля, – докладывал впоследствии Ушаков, – выбежав все наверх, на бак и на борта, и поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения. Заметя оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время бою храбрость и отчаянность турецкого адмирала трехбунчужного паши Саид-бея были столь беспредельны, что он не сдавал своего корабля до тех пор, пока не был весь разбит до крайности». Когда русские моряки с объятых пламенем “Капудании” сняли капитана, его офицеров и самого Саид-бея, корабль взлетел на воздух вместе с оставшимся экипажем и казней турецкого флота. Взрыв огромного флагманского корабля на глазах у всего флота произвел на турок сильнейшее впечатление и довершил победу, добытую Ушаковым при Тендре.

Сам же Федор Федорович ясно понимал: победы нашему воинству дарует Господь, и без помощи Божией все умение человеческое “ничтоже есть”. Знал, что в России, на берегу реки Мокши, в Санаксарской святой обители возносит молитвы о нем старец Федор, в этот год приблизившийся к исходу от земного своего бытия. По возвращении в Севастополь командующим флотом Федором Ушаковым был дан приказ, в котором говорилось: «Выражаю мою наипризнательнейшую благодарность и рекомендую завтрашний день для принесения Всевышнему моления за столь счастливо дарованную победу; всем, кому возможно с судов, и священникам со всего флота быть в церкви Св. Николая Чудотворца в 10 часов пополудни и по отшествии благодарственного молебна выпалить с корабля “Рождества Христова” из 51 пушки».

В 1791 году русско-турецкая война завершилась блистательной победой контр-адмирала Федора Ушакова у мыса Калиакрия. Турция намеревалась нанести

решительный удар России, чтобы принудить ее к заключению выгодного для Турции мира. Султан призвал на помощь флот из африканских владений, прославившийся под предводительством алжирца Сеит-Али. Сеит-Али хвастливо пообещал виновника недавних поражений Турции контр-адмирала Ушакова привести в Константинополь в цепях. Предстояло генеральное сражение; это сознавалось всем нашим флотом. «Молитесь Богу! – писал князь Потемкин Ушакову. – Господь нам поможет, положитесь на Него; ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с вами!».

31 июля на подходах к мысу Калиакрия Ушаков обнаружил турецкий флот, стоявший в линии на якоре под прикрытием береговых батарей. Появление русской эскадры было для турок полной неожиданностью – их охватила паника. Турки в спешке стали рубить канаты и ставить паруса. При этом несколько кораблей, не справившись с управлением на крутой волне при порывистом ветре, столкнулись друг с другом и получили повреждения. Ушаков, будучи на ветре и пользуясь неразберихой в стане неприятеля, принял изумительное по находчивости решение и повел свой флот между турецкими кораблями и беспрестанно палящей береговой батареей, отрезая корабли от берега. Бой разгорелся с потрясающей силой. Боевая линия турок была разбита, их корабли были настолько стеснены, что били друг в друга, укрываясь один за другого. Ушаков на флагманском корабле “Рождество Христово” погнался за пытавшимся уйти Сеит-Али и, сблизившись с ним, атаковал его. Первым же ядром с русского флагмана на алжирском корабле вдребезги разнесло фор-стенггу, щепка от которой отлетела в Сеит-Али, тяжело ранив его в подбородок. Окровавленный алжирский предводитель, не так давно похвалявшийся пленением Ушакова, был унесен с палубы в каюту. Русские корабли, окружив противника, буквально осыпали его ядрами. Турецкий флот был “совершенно уже разбит до крайности” и в очередной раз бежал с поля боя. Наступившая темнота, пороховой дым и перемена ветра спасли его от полного разгрома и пленения. Весь турецкий флот, лишившийся двадцати восьми судов, разбросало по морю. Большая часть экипажей была перебита, в то время как на русских кораблях потери были незначительны. А в Константинополе,

не имея известий о происшедшем морском сражении, праздновали курбан-байрам и радовались; но вскоре “сверх чаяния сия радость обратилась в печаль и страх”, вызванные появлением у крепостей Босфора остатков эскадры “славного алжирца” Сеит-Али: вид пришедших пяти его линейных кораблей и пяти других малых судов был ужасен, “некоторые из оных без мачт и так повреждены, что впредь служить на море не могут”; палубы были завалены трупами и умирающими от ран; в довершение всего корабль самого Сеит-Али, войдя на рейд, стал на виду у всех тонуть и пушечными залпами просить о помощи...

«Великий! Твоего флота больше нет», – доложили турецкому султану. Тот был настолько напуган увиденным зрелищем и известием о сокрушительном поражении своего флота, что немедленно поспешил заключить мир с Россией.

29 декабря 1791 года в Яссах был подписан мирный договор. Российское государство, укрепив свои позиции на юге, “твердою ногою встало на завоеванных им берегах Черного моря”. За столь знаменитую победу контр-адмиралу Феоодору Ушакову пожалован был орден святого Александра Невского.

Еще в начале войны Феоодор Ушаков принял главное начальство над портом и городом Севастополем. По заключении мира с Турцией он немедленно приступил к починке кораблей, постройке разных мелких судов; по его распоряжениям и при неустанном личном участии на берегах бухт строились пристани. Трудно было с размещением на берегу матросов и прочих нижних чинов: они жили в хижинах и казармах, находившихся в низменных местах бухты, где от гнилого воздуха, исходящего от болот Инкермана, люди часто болели и умирали. Феоодор Феоодорович, как и в период борьбы с чумой в Херсоне, стал принимать самые решительные меры к прекращению болезней. В удобных, возвышенных и наиболее здоровых местах им были построены казармы, госпиталь. Он заботился и об устройстве дорог, рынков, колодцев и вообще снабжении города пресной водою и жизненными припасами... Небольшая соборная церковь святителя Николая, покровителя в море плавающих, была им перестроена и значительно увеличена. Бывало, что из казенных сумм, определяемых на содержание Черноморского флота, те или иные поставлялись несвоевременно – тогда Ушаков выдавал из собственных

денег по несколько тысяч в контору Севастопольского порта, чтобы не останавливать производства работ; “он чрезвычайно дорожил казенным интересом, утверждая, что в собственных деньгах должно быть щедрым, а в казенных скупым, – и правило сие доказывал на деле”.

Освободясь на время от ратных дел, прославленный адмирал, который “к вере отцов своих оказывал чрезвычайную приверженность”, имел теперь возможность более предаваться молитве: сохранилось драгоценное свидетельство о его жизни в Севастополе, когда он “каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием дел военно-судных; а произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного; и был исполненный доброты необыкновенной...” В начале 1793 года он призван был императрицею в Петербург. Екатерина II пожелала видеть героя, стяжавшего такую громкую славу, и “встретила в нем человека прямодушного, скромного, мало знакомого с требованиями светской жизни”. За заслуги перед престолом и Отечеством Екатерина II поднесла ему в дар необыкновенной красоты золотой складень-крест с мощами святых угодников. В том же году Феоодору Ушакову был пожалован чин вице-адмирала.

В 1796 г. на российский престол вступил император Павел I. Это было время, когда революционная Франция, поправ законы божеские и человеческие и умертвив монарха, “обратилась к завоеванию и порабощению соседних держав”. Вице-адмирал Ушаков получил приказ привести в боевую готовность Черноморский флот. Сложность обстановки для России заключалась в том, что не было никакой ясности, от какого противника – Турции или Франции – защищать южные рубежи. Франция подстрекала Турцию к войне с Россией, и туркам, конечно же, хотелось возвратить отторгнутые Россией земли; но, с другой стороны, соседство на Балканах с французами становилось для Оттоманской Порты куда более опасным, чем потеря Крыма. Вскоре султан Селим III принял предложение российского императора о союзе против Франции и обратился к Павлу I с просьбой о присылке вспомогательной эскадры. В связи с этим вице-адмиралу Ушакову был доставлен высочайший рескрипт: «Коль скоро получите известие, что французская эскадра покусится войти в Черное море, то немедленно, сыскав оную, дать

решительное сражение, и МЫ надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь НАШЕГО флага соблюдена будет...».

В начале августа 1798 года, находясь вблизи Севастопольского рейда с вверенной ему эскадрой, Феодор Ушаков получил высочайшее повеление “тотчас следовать и содействовать с турецким флотом противу зловредных намерений Франции, яко буйного народа, истребившего не токмо в пределах своих веру и Богом установленное правительство и законы... но и у соседственных народов, которые по несчастию были им побеждены или обмануты вероломническими их внушениями...”. Взяв курс на Константинополь, российская эскадра скоро приблизилась к Босфору, и этого оказалось достаточным, чтобы Порта немедленно объявила войну республиканской Франции.

Турция встречала русские суда на удивление дружелюбно. Поразила турок опрятность, строгий порядок на русских судах. Один из влиятельных вельмож на встрече у визиря заметил, что “двенадцать кораблей российских менее шуму делают, нежели одна турецкая лодка; а матросы столь кротки, что не причиняют жителям никаких по улицам обид”. И облик, и весь дух русских моряков были удивительны туркам. Российская эскадра пробыла в Константинополе две недели; 8 сентября, “дав туркам опыт неслыханного порядка и дисциплины”, она снялась с якоря и при благополучном ветре направила свой путь к Дарданеллам, к месту соединения с турецким флотом. Командующим объединенными силами назначен был вице-адмирал Ушаков. Турки, на собственном опыте зная его искусство и храбрость, полностью доверили ему свой флот, а капудан-паша Кадыр-бей именем султана обязан был почитать российского вице-адмирала “яко учителя”.

Так началась знаменитая средиземноморская кампания вице-адмирала Федора Ушакова, в которой он показал себя не только как великий флотоводец, но и как мудрый государственный деятель, милосердный христианин и благодетель освобожденных им народов. Первой задачей эскадры было взятие Ионических островов, расположенных вдоль юго-западного побережья Греции, главный из которых – Корфу, имея и без того мощнейшие в Европе бастионы, был еще значительно укреплен французами и считался неприступным. Коренные жители занятых французами островов были православными греками, а на

Корфу находилась (пребывающая и доныне) великая христианская святыня – мощи святителя Спиридона Тримифунтского. Феодор Ушаков поступил премудро: он, прежде всего, обратился с письменным воззванием к жителям островов, призывая их содействовать в “низвержении несносного ига” безбожников-французов. Ответом была повсеместная вооруженная помощь населения, воодушевленного прибытием русской православной эскадры. Как ни сопротивлялись французы, наш десант решительными действиями освободил остров Цериго, затем Занте...

Когда французский гарнизон на острове Занте сдался, то “на другой день главнокомандующий вице-адмирал Ушаков, вместе с капитанами и офицерами эскадры, съехал на берег для слушания благодарственного молебна в церкви св. чудотворца Дионисия. Звоном колоколов и ружейной пальбой приветствованы были шлюпки, когда приближались к берегу; все улицы украсились выставленными в окнах русскими флагами – белыми с синим андреевским крестом, и почти все жители имели такие же флаги в руках, беспрестанно восклицая: «Да здравствует государь наш Павел Петрович! Да здравствует избавитель и восстановитель православной веры в нашем Отечестве! На пристани вице-адмирал принят был духовенством и старейшинами; он последовал в соборную церковь, а после богослужения прикладывался к мощам святого Дионисия, покровителя острова Занте; жители повсюду встречали его с особенными почестями и радостными криками; по следам его бросали цветы; матери, в слезах радости, выносили детей, заставляя их целовать руки наших офицеров и герб российский на солдатских сумках. Женщины, а особливо старые, протягивали из окон руки, крестились и плакали», – так записывал очевидец.

То же было и при острове Кефалония: «...жители везде поднимали русские флаги и способствовали десантным войскам отыскивать французов, скрывшихся в горах и ущельях; а когда остров был взят, местный архиерей и духовенство с крестами, все дворянство и жители, при колокольном звоне и пальбе из пушек и ружей, встретили начальника русского отряда и командиров судов, когда они съехали на берег».

Но между тем с самого начала совместной кампании, особенно когда перешли к военным действиям, выяснилось,

что от турецкой вспомогательной эскадры помощи было менее, чем неприятностей и хлопот. Турки при всех льстивых заверениях и готовности сотрудничать были настолько неорганизованы и дики, что вице-адмирал должен был держать их позади своей эскадры, стараясь не подпускать к делу. Это была обуза, о которой, впрочем, будучи главнокомандующим, он обязан был заботиться, то есть кормить, одевать, обучать воинскому ремеслу, чтоб использовать хотя бы отчасти. Местное население открывало двери русским – и захлопывало их перед турками. Феодору Феодоровичу приходилось непросто, и он проявил много рассудительности, терпения, политического такта, чтобы соблюсти союзные договоренности и удержать турок от присущих им безобразий – главным образом, от необузданного варварства и жестокости. Особенно не нравилось туркам милостивое обращение русских с пленными французами. Когда Феодор Ушаков принял первых пленных на острове Цериго, турецкий адмирал Кадыр-бей просил его о позволении употребить против них военную хитрость. “Какую?” – спросил Ушаков. Кадыр-бей отвечал: «По обещанию Вашему, французы надеются отправиться в отечество и лежат теперь спокойно в нашем лагере. Позвольте мне подойти к ним ночью тихо и всех вырезать». Сострадательное сердце Феодора Ушакова, конечно же, отвергло сию ужасающую жестокость, – чему турецкий адмирал крайне дивился... Но особенно много хлопот доставлял Ушакову хитрый и коварный Али-паша, командовавший сухопутными турецкими войсками и привыкший безнаказанно бесчинствовать на греческом и албанском побережьях.

10 ноября 1798 года Феодор Ушаков в донесении писал: «Благодарение Всевышнему Богу, мы с соединенными эскадрами, кроме Корфу, все прочие острова от рук зловредных французов освободили». Собрав все силы при Корфу, главнокомандующий начал осуществлять блокаду острова и подготовку к штурму этой мощнейшей в Европе крепости. Блокада, вся тягота которой пала на одну русскую эскадру, проходила в условиях для наших моряков самых неблагоприятных. Прежде всего, последовали значительные перебои с поставкой продовольствия и амуниции, а также и материалов, необходимых для текущего ремонта судов, – все это по договору обязана была делать турецкая сторона, однако сплошь и рядом возникали

несоответствия, происходившие от злоупотреблений и нерадения турецких чиновников. Эскадра была “в крайне бедственном состоянии”. Турецкие должностные лица, которые обязаны были предоставить в срок десантные войска с албанского берега общим числом до четырнадцати тысяч человек и даже “столько, сколько главнокомандующий от них потребует”, в действительности собрали лишь треть обещанного, так что в донесении государю вице-адмирал Ушаков писал: «Если бы я имел один только полк российского сухопутного войска для десанта, непременно надеялся бы я Корфу взять совокупно вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не допускать». Помимо неурядиц с союзниками, блокада осложнялась также и упорным сопротивлением французов, да еще и зима в тот год была необыкновенно сурова на юге Европы. «Наши служители, – писал в донесении Ушаков, – от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность: они работали и в дождь, и в мокроту, или же обмороженные в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались». Сам адмирал, поддерживая дух своих моряков, подавал пример неутомимой деятельности. «День и ночь пребывал он на корабле своем в трудах, обучая матросов к высадке, к стрельбе и ко всем действиям сухопутного воина», – писал участник тех событий капитан-лейтенант Егор Метакса. Наконец, все было готово для штурма, и на общем совете положено было исполнить это при первом удобном ветре. Войскам дана была боевая инструкция, которую вице-адмирал Феодор Ушаков закончил словами: «...поступать с храбростию, благоразумно и сообразно с законами. Прошу благословения Всевышняго и надеюсь на ревность и усердие господ командующих».

Благоприятный ветер подул 18 февраля, и в семь часов пополудни начался штурм. Первоначально удар был обрушен на остров Видо, с моря прикрывавший главную крепость. В описании Егора Метаксы читаем: «Беспрерывная страшная стрельба и гром больших орудий приводили в трепет все окрестности. Остров Видо был весь взорван картечами, и не только окопы, не осталось дерева, которое не было бы повреждено сим ужасным железным градом». В решительных случаях Феодор Ушаков подавал собою пример: так и теперь, сигналом приказавши всем

судам продолжать свои действия несмотря на движение флагмана, сам подошел вплотную к берегу против сильнейшей батареи французов и через короткое время сбил эту батарею, у которой “в печах было множество приготовленных каленых ядер”, и она ими палила. «Турецкие же корабли и фрегаты – все были позади нас и не близко к острову; если они и стреляли на оный, то чрез нас, и два ядра в бок моего корабля посадили...» – писал впоследствии адмирал. “Остров усеян был нашими ядрами, сильною канонадою все почти батареи его истреблены и обращены в прах”. В то же время на флагманском корабле “Святой Павел” был поднят сигнал к высадке десанта, заблаговременно посаженного на гребные суда. Под прикрытием корабельной артиллерии десант утвердился между вражескими батареями и пошел к середине острова. Турки, входившие в состав десанта, озлобленные упорным сопротивлением французов, принялись резать головы всем пленным, попавшимся в их руки. Происходили жестокие сцены, подобные следующей, описанной очевидцем: «Наши офицеры и матросы кинулись вслед за турками, и так как мусульманам за каждую голову выдавалось по червонцу, то наши, видя все свои убеждения не действительными, начали собственными деньгами выкупать пленных. Заметив, что несколько турок окружили молодого француза, один из наших офицеров поспешил к нему в то самое время, когда несчастный развязывал уже галстук, имея перед глазами открытый мешок с отрезанными головами соотечественников. Узнав, что за выкуп требовалось несколько червонцев, но не имея столько при себе, наш офицер отдает туркам свои часы – и голова француза осталась на плечах...». Увещания и угрозы не могли привести турок к послушанию; тогда командир русских десантников составил каре из людей своего отряда, чтобы в середине его укрывать пленных, и тем спасена была жизнь весьма многих. Впоследствии Егор Метакс писал: «Русские и здесь доказали, что истинная храбрость сопряжена всегда с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью, и что звание воина и христианина должны быть неразлучны».

К двум часам пополудни остров Видо был взят. На следующий день, 19 февраля 1799 года, пала и крепость Корфу. Это был день великого торжества адмирала Феодора Ушакова, торжества его военного таланта и твердой воли,

поддержанных храбростью и искусством его подчиненных, их доверием к своему победоносному предводителю и его уверенностью в их непоколебимое мужество. Это был день торжества русского православного духа и преданности своему отечеству. Взятый в плен “генерал Пиврон был объят таким ужасом, что за обедом у адмирала не мог удержать ложки от дрожания рук и признавался, что во всю свою жизнь не видал ужаснейшего дела”. Узнав о победе при Корфу, великий русский полководец Суворов воскликнул: «Ура! русскому флоту! Я теперь говорю сам себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом?».

На другой день после сдачи крепости, когда главнокомандующему привезены были на корабль “Святой Павел” французские флаги, ключи и знамя гарнизона, он сошел на берег, “торжественно встреченный народом, не знавшим границ своей радости и восторга, и отправился в церковь для принесения Господу Богу благодарственного молебствия... А 27 марта, в первый день Святой Пасхи, адмирал назначил большое торжество, пригласивши духовенство сделать вынос мощей угодника Божиего Спиридона Тримифунтского. Народ собрался со всех деревень и с ближних островов. При выносе из церкви святых мощей расставлены были по обеим сторонам пути, по которому пошла процессия, русские войска; гробницу поддерживали сам адмирал, его офицеры и первые чиновные архонты острова; святые мощи обнесены были вокруг крепостных строений, и в это время отовсюду производилась ружейная и пушечная пальба... Всю ночь народ ликовал”.

Император Павел I за победу при Корфу произвел Феодора Ушакова в адмиралы. Это была последняя награда, полученная им от своих государей. Воздав благодарение Богу, Федор Федорович продолжил выполнение возложенных на него задач. Требовалось образовать на освобожденных островах новую государственность, и адмирал Ушаков, как полномочный представитель России, не поступаясь своими христианскими убеждениями, сумел создать на Ионических островах такую форму правления, которая обеспечила всему народу “мир, тишину и спокойствие”. «Люди всех сословий и наций, – обращался он к жителям островов, – чтите властное предназначение человечности. Да прекратятся раздоры, да умолкнет дух

вендетты, да воцарится мир, добрый порядок и общее согласие!».

Феодор Ушаков, будучи верным слугой Царю и Отечеству, ревностно отстаивал интересы России и в то же время как христианин, как человек “доброты необыкновенной”, он движим был искренним желанием дать греческому населению – друзьям России, единоверцам, недавним соратникам в освобождении островов “от зловредных и безбожных французов” – спокойствие и благополучие. Так образовалась Республика Семи Соединенных Островов – первое греческое национальное государство Нового времени. Феодор Ушаков, показавший здесь себя великим сыном России, говорил впоследствии, что “имел счастье освобождать оные острова от неприятелей, устанавливать правительства и содержать в них мир, согласие, тишину и спокойствие...”.

В то же время попущением Божиим пришлось Феодору Феодоровичу претерпеть великие нравственные страдания. Прежде всего некоторые турецкие военачальники, разгневанные строгими мерами русского адмирала, решительно пресекавшего жестокости и кощунства турок, грабивших церкви и разорявших иконостасы, начали клеветать на Феодора Ушакова, обвиняя его перед русским посланником в Константинополе Томарой в том, что адмирал-де неправильно распределяет между союзными эскадрами призовые, полученные за победу, к тому же присваивая их себе... Честный и нестяжательный Феодор Феодорович должен был объясняться. Со скорбью писал он посланнику: «Я не интересовался нигде ни одной полушкою и не имею надобности; Всемиловитейший Государь мой Император и Его Султанское Величество снабдили меня достаточно на малые мои издержки. Я не живу роскошно, потому и не имею ни в чем нужды, и еще уделю бедным, и для привлечения разных людей, которые помогают нам усердием своим в военных делах. Я не имею этой низости, как злословит меня капудан-паша...». И в другом письме: «Все сокровища в свете меня не обольстят, и я ничего не желаю и ничего не ищу от моего малолетства; верен Государю и Отечеству, и один рубль, от Монаршей руки полученный, почитаю превосходнейше всякой драгоценности, неправильно нажитой».

Было и другое: лучшие качества Феодора Ушакова как воина-христианина, например, его милосердие к пленным,

входили в конфликт с интересами государственной власти; сколько сердечной боли должен был испытывать адмирал, которому вышеупомянутый В.С. Томара, называя его “наш добрый и честный Федор Федорович”, препровождал секретное распоряжение, в коем, “при изъявлении душевного почтения к полезным и славным трудам” адмирала, ему разъяснялось, “что намерение Высочайшего Двора есть стараться чем можно более раздражить взаимно Порту и Францию; следственно, соблюдая... в рассуждении французов правила войны, вообще принятые, не должно понуждать турков к наблюдению их. Пущай они что хотят делают с французами... а [русским] обременяться пленными не следует и невозможно”. И сколько было случаев, подобных этому!

И наконец, положение самой русской эскадры, которой необходимо было продолжать военные действия против французов, оставалось во многих отношениях тяжелым. Прежде всего, продовольствие, поставляемое турками из Константинополя, было весьма нехорошего качества, да и поставлялось не вовремя; эти “и прочие разные обстоятельства, – писал адмирал, – повергают меня в великое уныние и даже в совершенную болезнь. Изо всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся... Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду”. Эти его слова, полные скорби и недоумения от происходящего, многого стоят. Что же помогло устоять русским морякам против стольких испытаний? Несомненно, их православный дух, их верность Царю и Отечеству, великий пример главнокомандующего и их всеобщая любовь к нему – “батюшке нашему Федору Федоровичу”. Он всегда учил своих офицеров: «Запомните непреложное правило, что командир над кораблем почитается защитителем других и отцом всего экипажа».

А между тем миссия его в Средиземном море еще не закончилась. В Северной Италии русские под предводительством славного Суворова громили “непобедимую” армию французов. Суворов просил адмирала Ушакова с юга оказывать ему всемерную поддержку. И вот, находясь в теснейшем взаимодействии,

они били французских республиканцев на суше и на море. Два великих сына России – они показали всему миру, что такое русское воинство. Отряды кораблей с десантом стремительными передвижениями по Адриатике и вдоль юго-западных берегов Италии наводили панику на французские гарнизоны. Но и тут не обошлось без козней: интриговали англичане, а их знаменитый контр-адмирал Горацио Нельсон всячески пытался досаждать Ушакову; слава русского флотоводца не давала покоя Нельсону. В переписке с своими друзьями он заявлял, что Ушаков “держит себя так высоко, что это отвратительно”. Спокойная учтивость русского адмирала раздражала Нельсона: “Под его вежливой наружностью скрывается медведь...”. И наконец, уже с полной откровенностью: “Я ненавижу русских...”. Это чувствовал и сам Феодор Феодорович: “Зависть, быть может, против меня действует за Корфу... Что сему причиною? не знаю...”. Тем временем русские моряки и десантники взяли город Бари, где отслужили благодарственный молебен у мощей святителя Николая Чудотворца, затем Неаполь и 30 сентября 1799 года вошли в Рим.

Неаполитанский министр Мишуру, бывший при нашем отряде, с изумлением писал адмиралу Ушакову: «В промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства. Это еще не всё, войска заставили население обожать их... Вы могли бы их видеть осыпанными ласками и благословениями посреди тысяч жителей, которые называли их своими благодетелями и братьями... Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена».

Предстояло еще взятие Мальты, но тут на исходе 1799 года адмирал Феодор Ушаков получил приказ императора Павла I о возвращении вверенной ему эскадры на родину, в Севастополь...

Он еще несколько времени провел на Корфу, готовя эскадру к длительному пути, занимаясь делами местного управления, прощаясь с Островами. Он полюбил греков, и они сторицею платили ему тем же; они видели в нем друга и освободителя. “Беспрестанно слышу я просьбы и жалобы народные, и большей частью от бедных людей, не имеющих

пропитания...” – и адмирал, будучи печальником народных нужд, старался с помощью Божией, насколько мог, способствовать улучшению их жизни. Жители Республики Семи Соединенных Островов прощались с адмиралом Феоодором Ушаковым и его моряками, не скрывая слез, благодаря их и благословляя. Сенат острова Корфу назвал его “освободителем и отцом своим”. “Адмирал Ушаков, освобождая сии острова геройственною своею рукою, учредив отеческими своими благорасположениями соединение их, образовав нынешнее временное правление, обратил яко знаменитый освободитель все свое попечение на пользу и благоденствие искупленных им народов”. На золотом, осыпанном алмазами мече, поднесенном ему, была надпись: “Остров Корфу – адмиралу Ушакову”. На золотой медали от жителей острова Итака – “Феодору Ушакову, российских морских сил главному начальнику, мужественному освободителю Итаки”. Столь же памятные и дорогие награды были и от других островов. Но адмирал, слишком хорошо уже узнавший превратности высшей политической жизни, покидал Ионические острова с чувством тревоги за их дальнейшую судьбу. На душе его было скорбно...

26 октября 1800 года эскадра адмирала Феоодора Ушакова вошла в Севастопольскую бухту. В ночь на 11 марта 1801 года заговорщиками был убит император Павел I. На российский престол взошел его сын Александр I. Политика России менялась. Вскоре адмирал Феоодор Ушаков был переведен в Санкт-Петербург. При дворе возобладало мнение о ненужности большого флота для “сухопутной” России. Тогдашний морской министр высказывался о флоте, что “он есть обременительная роскошь”, а другой деятель морского ведомства писал: “России нельзя быть в числе первенствующих морских держав, да в том и не представляется ни пользы, ни надобности”. В 1804 году Феоодор Феоодорович составил подробнейшую записку о своем служении российскому флоту, в которой подытоживал свою деятельность: «Благодарение Богу, при всех означенных боях с неприятелем и во всю бытность онаго флота под моим начальством на море, сохранением Всевысочайшей Благости ни одно судно из онаго не потеряно и пленными ни один человек из наших служителей неприятелю не достался».

Обострялись болезни, усиливались душевные скорби. Но не забывал адмирал заботиться о ближних своих: в его дом

в Петербурге часто приходили за помощью. Одних он снабжал деньгами, одеждой, за других, особо нуждающихся, ходатайствовал перед более имущими господами. Например, переписываясь с известным благотворителем графом Н.П. Шереметевым, построившим в Москве в память своей умершей жены Странноприимный дом, Федор Федорович не однажды обращался к нему с просьбами подобного характера: «Зная доброе расположение Ваше к спасительным делам и благодеянию, посылаю к Вашему Сиятельству двух странниц, пришедших из отдаленного края просить позволения о построении храма Божиего и устроении жилищ в пользу увечных и больных. По их бедности я содержу их в своем доме и одею их». Кроме того, он взял на себя покровительство и заботу об осиротевших племянниках.

Продолжая нести службу в должности главного командира Балтийского гребного флота, а кроме того, еще и начальника Петербургских флотских команд и председателя квалификационной комиссии “по производству в классные чины шкиперов, подшкиперов, унтер-офицеров и клерков Балтийских и Черноморских портов”, образованной при Морском кадетском корпусе, Федор Ушаков старался и эти обязанности исполнять с ревностью и усердием, как это вообще было ему свойственно в любом деле. С болью следил он за происходившим в Европе: близился к завершению один из этапов франко-русской войны, готовился мир в Тильзите; император Александр I сделается союзником Наполеона Бонапарта, а Ионические острова будут переданы “зловредным” французам. Федору Федоровичу предстояло пережить и это.

19 декабря 1806 года он подал императору прошение об отставке: «Душевные чувства и скорбь моя, истощившие крепость сил, здоровья, Богу известны – да будет воля Его святая. Все случившееся со мною приемлю с глубочайшим благоговением...». Эти слова, венчающие ратный подвиг, славное и многотрудное служение родному Отечеству, свидетельствуют, что непобедимый адмирал исполнен был смирения и покорности воле Божией, и благодарения Богу за все, – это были чувства истинно христианские.

Отойдя от служебных дел, он некоторое время жил в Санкт-Петербурге, продолжая покровительствовать племянникам, и готовился к переезду на постоянное и уже последнее место своей земной жизни. У него было несколько

небольших деревень на родине в Ярославской губернии, был участок земли вблизи Севастополя... Душа адмирала, от младенчества взыскавшая Господа, просила покоя, уединения, молитвы. Он принял решение, исполненное глубокого смысла: он избрал для жительства тихую деревню Алексеевку, в Темниковском уезде, вблизи Санаксарского Рождество-Богородичного монастыря, где в годы его ратных подвигов молился о нем его родной дядя – преподобный Феодор. Несомненно, что молитвенное их общение никогда не прерывалось. Потому и устремилась сюда, к святой обители душа адмирала, что здесь подвизался о Господе и упокоился самый духовно близкий ему человек на земле. Монах и моряк – они оба были воинами Христовыми, оба делали одно дело: ревностно служили Господу – на том поприще, на которое Он их призвал.

Перед тем, как окончательно в 1810 году покинуть столицу, Феодор Феодорович, “памятуя час смертный с каковою внезапностью оный приключается”, написал завещание. Никогда не имевший своей семьи и своих детей, он все небогатые владения передал в собственность племянникам, “которых почитаю я вместо детей моих и о благе их стараюсь как собственный их отец”. Сохранилось свидетельство тогдашнего настоятеля монастыря иеромонаха Нафанаила о завершающем периоде земной жизни Феодора Феодоровича: «Адмирал Ушаков, сосед и знаменитый благотворитель Санаксарской обители, по прибытии своем из Санкт-Петербурга, вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в деревне Алексеевке, расстоянием от монастыря через лес версты три, который по воскресным и праздничным дням приезжал для богомолья в монастырь к службам Божиим во всякое время. В Великий пост жил в монастыре, в келлии, для своего пощения и приготовления к Св. Тайнам по целой седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неопустительно и слушал благоговейно; по временам жертвовал от усердия своего обители значительные благотворения; также бедным и нищим творил всегдашние милостивые подаяния и вспоможения».

Началась Отечественная война 1812 года. На борьбу с французами поднялся весь народ. В Тамбовской губернии, как и по всей России, создавались ополчения для защиты Отечества. На губернском собрании дворянства, в котором

Феодор Феодорович не смог принять участия по болезни, он был избран большинством голосов начальником внутреннего тамбовского ополчения. Предводитель дворянства писал ему: «Долговременная опытность службы Вашей и отличное усердие перед престолом Российской державы, Вами доказанные, да подадут дворянству твердые способы к ревностным подвигам на пользу общую, да подвигнут всех к благодетельным пожертвованиям и да вдохнут готовность в сердце каждого принять участие к спасению Отечества...». «За благосклонное, доброе обо мне мнение и за честь сделанную приношу всепокорнейшую мою благодарность, – отвечал адмирал. – С отличным усердием и ревностью желал бы я принять на себя сию должность и служить Отечеству, но с крайним сожалением за болезнью и великой слабостью здоровья принять ее на себя и исполнить никак не в состоянии и не могу». Но, между тем, вместе с темниковским соборным протоиереем Асинкритом Ивановым он устроил госпиталь для раненых, дав деньги на его содержание. Две тысячи рублей им было внесено на формирование 1-го Тамбовского пехотного полка. Все, что имел, отдавал он “на воспомоществование ближним, страждущим от разорения злобствующего врага...”. Еще в 1803 году им были внесены двадцать тысяч рублей в Опекунский совет Санкт-Петербургского воспитательного дома; теперь он всю сумму с причитающимися на нее процентами передал в пользу разоренных войной: «Я давно имел желание все сии деньги без изъятия раздать бедствующим и странствующим, не имеющим жилищ, одежды и пропитания». Не только крестьяне окрестных деревень и жители города Темникова, но и из отдаленных мест приезжали к нему многие. С страдальцами, лишившимися имуществ, делился он тем, что имел; обремененных скорбью и унынием утешал непоколебимою надеждой на благость Небесного Промысла. «Не отчаивайтесь! – говорил он. – Сии грозные бури обратятся к славе России. Вера, любовь к Отечеству и приверженность к Престолу восторжествуют. Мне немного остается жить; не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!».

Остаток дней своих, по словам того же иеромонаха Нафанаила, адмирал провел “крайне воздержанно и окончил жизнь свою как следует истинному христианину и верному сыну Святой Церкви 1817 года октября 2-го дня и

погребен по желанию его в монастыре подле сродника его из дворян, первоначальника обители сия иеромонаха Феодора по фамилии Ушакова же”.

Отпевал Феодора Феодоровича в Спасо-Преображенской церкви города Темникова протоиерей Асинкрит Иванов, который за день до кончины праведника, в праздник Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, принимал его последнюю исповедь и причащал Святых Таин; когда гроб с телом усопшего адмирала при большом стечении народа был вынесен на руках из города, его хотели положить на подводу, но народ продолжал нести его до самой Санаксарской обители. Там встретила благоверного боярина Феодора монастырская братия. Феодор Феодорович был погребен у стены соборного храма, рядом с родным ему преподобным старцем, чтобы быть им отныне вместе навеки.

После праведной кончины Феодора Феодоровича прошло почти два столетия. Его подвижническая и высокодуховная жизнь, его добродетели не были забыты в родном отечестве. Его заветами жили русские воины и флотоводцы, православная русская армия.

Когда наступили времена гонений на Русскую Православную Церковь, Санаксарский монастырь, где упокоился Феодор Феодорович, был закрыт. Часовня, выстроенная над могилой адмирала, была до основания разрушена, честные его останки в 1930-е годы были осквернены безбожниками.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов воинская слава Феодора Феодоровича Ушакова была вспомнута, его имя, наряду с именами святых благоверных князей-воинов Александра Невского и Димитрия Донского, вдохновляло к подвигу защитников Родины. Был учрежден боевой орден адмирала Ушакова, который стал высшей наградой для воинов-моряков.

Тогда же, в 1944 году, возник вопрос о месте погребения адмирала Ушакова. Была создана государственная комиссия, которая произвела раскопки на территории Санаксарского монастыря и вскрытие могилы адмирала Ушакова у стены соборного храма. Честные останки Феодора Феодоровича оказались нетленны, что было отмечено в соответствующем документе комиссии. С этого времени могила Феодора Ушакова и, как следствие, весь Санаксарский монастырь находились под присмотром

государственной власти, что предотвратило разрушение чтимой праведником обители.

В 1991 году Санаксарский монастырь был возвращен Русской Православной Церкви. Почитание святого праведника год от году возрастает. На его могиле служатся панихиды, многочисленные паломники: духовенство, монашествующие, благочестивые миряне, среди которых часто можно видеть воинов-моряков, – приходят поклониться Феодору Феодоровичу Ушакову, ревностному служителю Отечеству и народу Божиему, явившему собою великий пример воинской доблести, милосердия и христианского благочестия. В декабре 2000 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II благословил прославить адмирала Российского флота Феодора Ушакова в лике праведных местночтимых святых Саранской епархии, а в 2004 году Архиерейский собор причислил адмирала Ушакова к лику святых всей Русской Православной Церкви. В августе 2006 года в Саранске был освящен единственный в мире храм, посвященный святому моряку. 22 декабря 2019 года в Южном Бутове (Юго-Западный округ Москвы) был освящён великим чином.